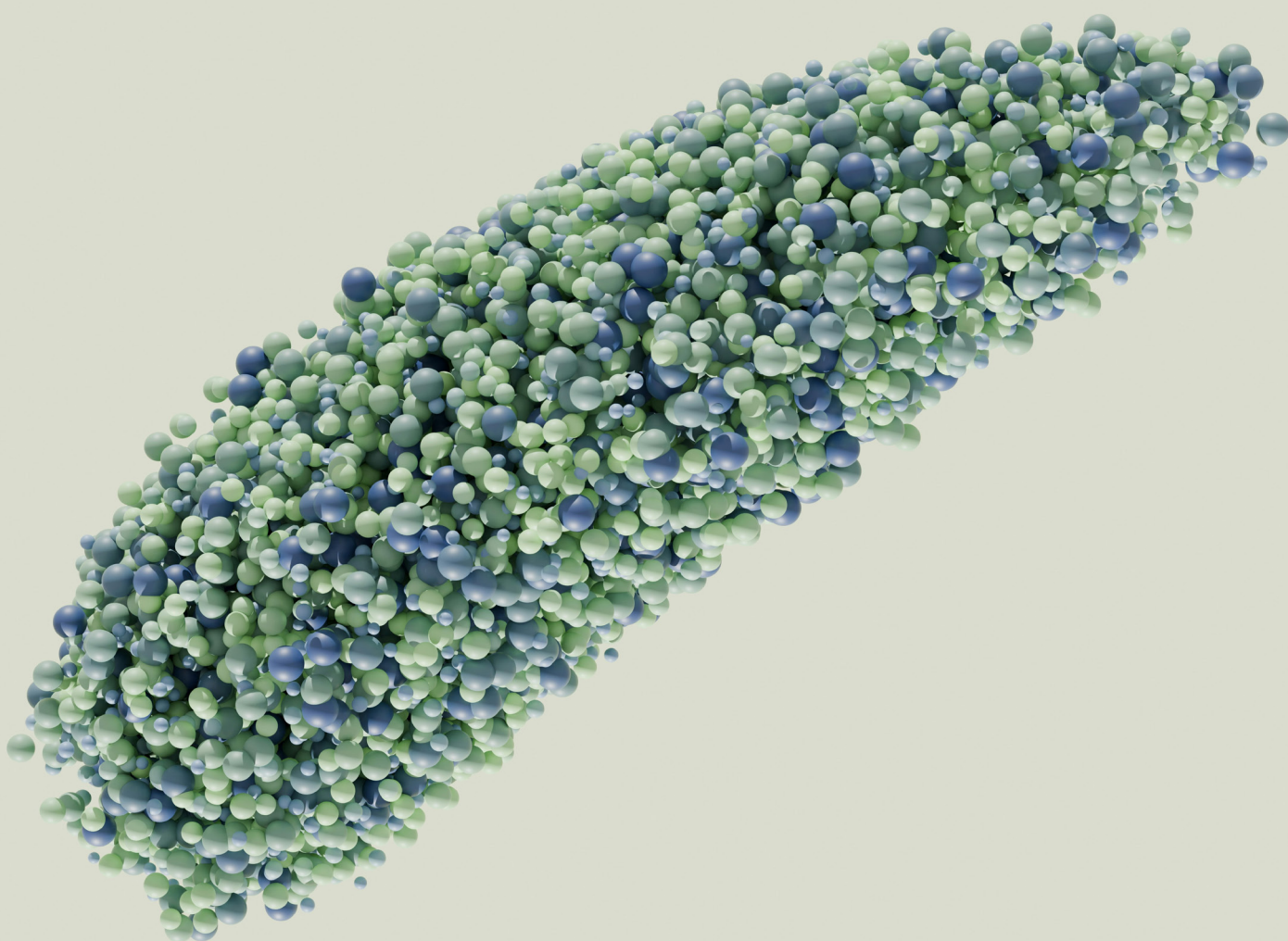

АП:И

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

международный научный журнал // ISSN 2713-1513 // № 41 (327), 2026 // apni.ru

Актуальные исследования

Международный научный журнал
2026 • № 41 (327)

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Зуфарович, кандидат технических наук (Высокотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биogeографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хайтова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Юсупова Феруза Зойировна, доктор философии (PhD) (Навоийский государственный горно-технологический университет)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Санникова С.М.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАЗРАБОТКЕ
РОБОТИЗИРОВАННЫХ КОМПЛЕКСОВ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОГРУЗОЧНЫХ
РАБОТ НА ВОЕННЫЕ САМОЛЕТЫ.....6

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Tran Thi Huong, Nguyen Ba Co

SOCIAL NETWORK ANALYSIS (SNA): FROM THEORETICAL FOUNDATIONS
TO APPLICATIONS AND SECURITY IN THE DIGITAL AGE 9

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Сагитов С.А., Гюльмагомедов А.П.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 1993 ГОДА В РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЕКТОВ И БОРЬБА ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ..... 13

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Андрианова Д.В.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 18

Вавилина К.С.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЯ
КРИМИНАЛИЗАЦИИ, ВИДЫ, ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ
И НАКАЗАНИЯ 22

Осаволук М.В.

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ..... 26

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА, РР

Бакланова В.В.

МОДЕЛЬ ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ ДЛЯ B2B-КОМПАНИИ ООО «НЕВАТОМ» 30

Логвись Д.В.

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПРОИЗВОДСТВА ВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА БРЕНДА:
ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕАТИВНОГО ПРОЦЕССА..... 36

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Лабурдова Д.Б.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБЪЕМОВ ТОВАРООБОРОТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 41

Шарапова Е.А., Федорищев М.Ю.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ..... 45

ПЕДАГОГИКА

Жариков Д.В.

ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ, ИСПАНИИ, ЭСТОНИИ
И ФИНЛЯНДИИ (КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ) 48

Матчина Ю.А.

ИНТЕГРАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРОЦЕССЕ
ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ КАДЕТСКОГО
ОТРЯДА «МОЛЯЧКИ»..... 53

Обозная Л.С., Луста Л.И.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У УЧАЩИХСЯ
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ШКОЛЫ 56

Ситникова С.Ю., Никулин А.А.

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ЧЕСТНОСТИ 59

Сотникова Н.П., Гребеник И.А.

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ С ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОГРАММЫ ПО АЛГОРИТМИКЕ 64

Спильник А.С., Спильник Н.Н.

РАЗВИТИЕ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ
ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ..... 67

Судавцова М.Н., Гладко С.А., Бутенко И.А., Дятлова Г.А.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЫ
В РЕСУРСНОЙ ГРУППЕ ДЕТСКОГО САДА ДЛЯ КОРРЕКЦИИ СЕНСОРНЫХ
НАРУШЕНИЙ У ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА 70

Эсмантова О.А.

АНИМАЦИОННЫЕ ДИАЛОГОВЫЕ РОЛИКИ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ
АВИАЦИОННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ 75

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Шагиахметова К.И., Садыков Н.Н.

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ХОККЕЕМ НА МИНЕРАЛЬНУЮ
ПЛОТНОСТЬ, ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И МИНЕРАЛЬНЫЙ СОСТАВ
КОСТНОЙ ТКАНИ: ОБРАТИМОСТЬ АДАПТАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
ПРИ ДЕТРЕНИРОВАННОСТИ..... 79

ВОЕННОЕ ДЕЛО

САННИКОВА Светлана Михайловна

старший научный сотрудник, Военно-воздушная академия
им. Профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, Россия, г. Воронеж

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАЗРАБОТКЕ РОБОТИЗИРОВАННЫХ КОМПЛЕКСОВ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОГРУЗОЧНЫХ РАБОТ НА ВОЕННЫЕ САМОЛЕТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения искусственного интеллекта при производстве погрузочно-разгрузочных работ на аэродромах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, логистические процессы, погрузочно-разгрузочные работы, авиация, роботы.

Применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в разработке роботизированных комплексов для погрузочных работ на военные самолёты – это не просто тренд, а ответ на потребность в повышении точности, скорости и безопасности операций. ИИ помогает решать целый комплекс задач – от планирования маршрутов до адаптации к меняющимся условиям на площадке.

Основные направления применения ИИ:

- Планирование и оптимизация маршрутов. Алгоритмы машинного обучения анализируют данные о текущем расположении грузов, самолётов, технических средств обслуживания и ограничений по весу/центровке. На основе этого ИИ строит оптимальные маршруты для роботизированных платформ, минимизируя время цикла и риск повреждения техники или грузов. Это особенно важно в условиях аэродромов с плотной инфраструктурой;
- Адаптивное управление и навигация. Роботы, работающие с военной техникой, должны уметь действовать в динамичной среде: разные типы грузов, изменчивые условия на площадке, возможные препятствия. ИИ позволяет создавать систем управления, которые в реальном времени обрабатывают данные с датчиков и камер, корректируют действия и обходят препятствия, повышая надёжность;
- Обработка визуальных данных и распознавание. Для работы с грузами в сложных

условиях (тёмное время суток, блики, нестандартная упаковка) роботы оснащаются системами компьютерного зрения на базе ИИ. Алгоритмы обучаются на больших наборах размеченных изображений, чтобы распознавать тип груза, его положение и ориентацию. Это необходимо для точного захвата и перемещения;

- Прогнозирование и предотвращение аварий. ИИ анализирует историю поломок, условия эксплуатации и внешние факторы (погода, вибрация), чтобы предсказывать потенциальные сбои. На основе этого он может заранее предложить корректирующие меры или приостановить работу для профилактики;
- Обучение и адаптация. Системы на базе ИИ могут обучаться на опыте эксплуатации. Например, если робот столкнулся с нестандартной ситуацией (груз нестандартной формы), ИИ на основе обратной связи может скорректировать свои действия в следующий раз. Для этого используются методы машинного обучения и нейронные сети;
- Интеграция с системами управления и моделирования. ИИ используется для создания «цифровых двойников» – виртуальных моделей реальных комплексов и процессов. Это позволяет проводить виртуальные испытания до создания физического прототипа, экономя время и ресурсы.

Вызовы и ограничения

Несмотря на потенциал, внедрение ИИ в такие системы сопряжено с серьёзными сложностями:

- **Безопасность и защита данных.** Работа с чувствительными военными данными требует высокого уровня защиты систем от взлома и подмены данных. Алгоритмы должны быть устойчивы к попыткам внешнего вмешательства;
- **Объяснимость решений.** В критических операциях важно понимать, почему система приняла то или иное решение. ИИ-алгоритмы часто «чёрные ящики», и их прозрачность критически важна для доверия операторов;
- **Адаптация к новым типам грузов и платформ.** Разработка универсальных алгоритмов, способных эффективно работать с широким спектром военных самолётов и типов грузов, – сложная инженерная задача;
- **Регуляторные и этические вопросы.** Необходимо соблюдать баланс между автоматизацией и сохранением рабочих мест, а также учитывать требования к конфиденциальности при работе с определёнными типами данных.

Ключевые области внедрения:

- **Оптимизация логистики:** машинное обучение позволяет рассчитывать кратчайшие и безопасные пути перемещения грузов с учетом центровки, габаритов и плотности аэродромной инфраструктуры;
- **Динамическая навигация:** роботы, оснащенные ИИ, способны автономно ориентироваться в хаотичной среде, корректируя траекторию в реальном времени при появлении препятствий;
- **Компьютерное зрение:** алгоритмы распознавания образов обеспечивают точную идентификацию и захват грузов даже в условиях плохой видимости или сложной геометрии упаковки;
- **Прогностическое обслуживание:** анализ телеметрии и внешних факторов позволяет системе предсказывать износ узлов и предотвращать аварийные ситуации до их возникновения;
- **Самообучение:** нейросети накапливают опыт, совершенствуя алгоритмы действий при работе с нестандартными объектами;
- **Цифровое моделирование:** использование «цифровых двойников» позволяет тестировать сценарии погрузки в виртуальной среде, минимизируя затраты на натурные испытания.

Барьеры на пути внедрения:

- **Кибербезопасность:** необходима защита от несанкционированного доступа и искажения данных в критически важных военных системах;
- **Прозрачность алгоритмов:** проблема «черного ящика» требует создания интерпретируемых моделей, чтобы оператор мог доверять логике принятых машиной решений;
- **Масштабируемость:** сложность адаптации ПО под постоянно обновляемый парк авиатехники и номенклатуру грузов.

Основные вызовы:

Защита: устойчивость к киберугрозам и взлому;

Доверие: необходимость понятной логики принятия решений (отказ от «черных ящиков»);

Универсальность:

- **Сложность настройки алгоритмов** под новые типы грузов;
- **Разработка универсальных алгоритмов,** способных мгновенно «обучаться» работе с новыми типами авиационных боеприпасов или контейнеров, требует огромных вычислительных мощностей и стандартизации данных. Без унификации форматов описания грузов робот может столкнуться с ошибкой распознавания, что критично в условиях боевого дежурства;
- **Работа в условиях радиоэлектронного подавления.** Военные аэродромы часто являются зонами активного воздействия средств РЭБ. ИИ-системы, зависящие от внешних каналов связи или облачных вычислений, становятся уязвимыми. Поэтому ключевым требованием становится переход к «периферийным вычислениям» (Edge AI), когда все процессы обработки данных происходят непосредственно на борту робота, без необходимости подключения к внешним серверам;
- **Человеко-машинное взаимодействие (HMI).** Внедрение роботов не исключает участия человека, но меняет его роль. Оператор должен эффективно контролировать действия комплекса, не перегружаясь потоком данных. Разработка интуитивно понятных интерфейсов, которые позволяют человеку быстро вмешаться в процесс или взять управление на себя в экстренной ситуации, остается сложной инженерной задачей.

Перспективы развития

Будущее роботизированных погрузочных комплексов лежит в плоскости роя (swarm intelligence). Вместо одного мощного и

дорогого погрузчика эффективнее использовать группу специализированных роботов, которые распределяют задачи между собой в режиме реального времени. Если один из них выходит из строя, система автоматически перераспределяет нагрузку, сохраняя общую скорость погрузки.

Кроме того, развитие сенсорной интеграции (сочетание лидаров, тепловизоров и ультразвуковых датчиков) позволит роботам работать в условиях полного отсутствия освещения и при экстремальных погодных условиях, что сделает авиационную логистику по-настоящему всепогодной и круглосуточной.

Таким образом, ИИ в военной логистике – это не просто инструмент автоматизации, а способ радикального сокращения времени подготовки самолета к вылету (turnaround time), что в современных условиях является одним из решающих факторов боевой эффективности авиации.

Литература

1. СП 121.13330.2019. Свод правил. Аэродромы. СНиП 32-03-96 (утв. и введен в действие Приказом Минстроя России от 30.01.2019 № 64/пр) (ред. от 20.12.2022).

SANNIKOVA Svetlana Mikhailovna

Senior Researcher,

Air Force Academy named after Professors N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin, Russia, Voronezh

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF ROBOTIC SYSTEMS FOR LOADING OPERATIONS ON MILITARY AIRCRAFT

Abstract. *The article examines the issues related to the use of artificial intelligence in loading and unloading operations at airfields.*

Keywords: *artificial intelligence, logistics processes, loading and unloading operations, aviation, robots.*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Tran Thi Huong

Hanoi University of Natural Resources and Environment, Vietnam, Hanoi

Nguyen Ba Co

BKAV Corporation, Vietnam, Hanoi

SOCIAL NETWORK ANALYSIS (SNA): FROM THEORETICAL FOUNDATIONS TO APPLICATIONS AND SECURITY IN THE DIGITAL AGE

Abstract. Social network analysis examines relationships among actors to explain how social structure shapes access to information, collaboration, and collective behavior. Digital platforms have expanded observable interactions while creating challenges of measurement, causal interpretation, privacy, and security. This report introduces SNA foundations and methods, then discusses applications in communication, business, education, public services, and digital security. Particular attention is given to fake accounts, coordinated manipulation, and the protection of relational data. Meaningful network analysis requires clear relationship definitions, a transparent workflow, and careful validation of findings and their practical implications.

Keywords: social network analysis, centrality, community detection, information diffusion, digital security.

1. Introduction

Social network analysis (SNA) studies patterns of relationships among people, groups, or organizations. Its central question concerns how an actor's position in a network affects opportunities and constraints. A person with few direct connections may still connect otherwise separated communities, while a highly connected actor may mainly circulate information within one close group. These differences are difficult to capture through individual attributes alone.

SNA is broader than the analysis of social media. Its data may come from interviews, friendship nominations, organizational communication, scientific collaboration, or digital interaction records. Online platforms provide extensive traces of following, replying, sharing, and participating, but those actions represent different relationships. A follow link, for example, does not automatically indicate friendship, agreement, or actual exposure to every message.

2. Theoretical Foundations

A network is commonly represented as a graph $G = (V, E)$, where V contains actors and E contains defined ties. Edges may be directed, as in a message sent from one account to another; undirected, as in a mutually recognized collaboration; or weighted, as in interaction frequency. Bipartite networks connect two actor types, such as users

and discussion groups. Temporal networks preserve when interactions occur, and multilayer networks distinguish different kinds of ties.

Granovetter's theory of weak ties explains how relatively weak relationships can connect social circles and provide access to information unavailable within tightly connected groups [1, p. 1360-1380]. Freeman distinguishes degree, closeness, and betweenness as different concepts of centrality [2, p. 215-239]. Watts and Strogatz show how high local clustering can coexist with short network paths [3, p. 440-442]. Community analysis identifies groups with relatively dense internal connections [4, p. 7821-7826]. Together, these ideas link local relationships, intermediary positions, and overall network organization.

3. Core Methods and Analytical Workflow

3.1. Measuring Position and Structure

Analytical measures should follow the research question. For a simple undirected graph with n actors, normalized degree centrality is $k/(n - 1)$, where k is an actor's number of neighbors. Network density is $2m/[n(n - 1)]$, where m is the number of edges. These expressions assume no self-loops or parallel edges. Directed and weighted networks require appropriate definitions; comparing their values without a common construction rule can be misleading.

Table

Principal SNA measures and interpretation limits

Measure	Analytical use	Interpretation limit
Degree/strength	Direct connectivity / total tie weight	Activity is not necessarily influence
Betweenness	Potential brokerage on shortest paths	Actual diffusion may use other paths
Closeness	Reach through short paths	Disconnected graphs need explicit handling
Eigenvector centrality	Connections to well-connected actors	Depends on direction and network structure
Clustering/density	Local closure / overall connectedness	Sensitive to network size and tie definitions
Community structure	Groups with stronger internal connections	Clusters do not automatically reveal beliefs

Community detection examines grouping patterns rather than individual prominence. The Girvan–Newman method illustrates this idea through the removal of edges with high edge betweenness [4, p. 7821-7826]. Other methods optimize different objectives, so community assignments depend on algorithm choice, resolution, and the observed network. A visual cluster is evidence of a structural pattern, not proof of ideological agreement or co-ordinated activity.

3.2. From Data to Validated Findings

A practical workflow begins by defining the population, time window, and meaning of each tie. Data are then collected through authorized sources, cleaned, and converted into a graph. Duplicate accounts, missing observations, repeated interactions, and automated activity should be documented. Analysts calculate relevant measures, inspect visualizations, and test sensitivity to sampling, edge thresholds, and alternative time windows.

Visualization helps formulate questions but should be supported by quantitative checks. Predictive tasks require a temporal split: information collected after the prediction date must not enter training. Evaluation should compare network features with suitable non-network baselines and inspect errors across groups. Similar behavior among connected actors may reflect shared preferences or circumstances rather than interpersonal influence; observational homophily and contagion can be confounded [5, p. 211-239].

4. Application Directions in the Digital Age

4.1. Public Opinion and Information Diffusion

Networks of replies, mentions, and reposts reveal interaction communities and topic diffusion pathways. Combining network structure with text analysis helps identify emerging issues and accounts connecting discussion groups. Sentiment

requires separate validation; it cannot be inferred from network position alone.

Vosoughi, Roy, and Aral examined the diffusion of verified true and false news on Twitter and found substantial differences in their spreading patterns [6, p. 1146-1151]. Their result demonstrates the value of studying cascades, but does not justify labeling a new message false from network shape alone. Fact verification, topic, collection period, and platform context remain necessary. Visible online discussion also cannot automatically represent the opinions of an entire population.

4.2. Marketing and Organizational Collaboration

Businesses can examine referral networks, customer communities, and communication between teams. Network-informed partner selection considers audience connections alongside follower counts. Organizational networks can reveal knowledge brokers, isolated teams, or dependence on a few intermediaries. These patterns require contextual interpretation and are not direct measures of individual productivity.

Business evaluation should link network-informed interventions to outcomes such as qualified referrals or reduced coordination delays. Randomized or carefully designed comparisons are preferable for estimating effects; a network map alone cannot establish commercial or organizational improvement.

4.3. Education and Public Services

In digital learning environments, discussion and collaboration networks can help instructors examine participation, peer support, and group integration. A learner with few visible interactions may require additional support, but may also prefer independent study or communicate outside the observed platform. Interpretation should combine network evidence with task outcomes and learner feedback. Public-service applications can similarly

map cooperation among agencies or community organizations to locate gaps in communication and service coordination.

4.4. Digital Security and Graph-Based Prediction

In digital security, SNA complements account-level checks by examining relationships among potentially abusive actors. SybilRank illustrates how social graph properties can help prioritize suspected fake accounts for review [9, p. 197-210]. Coordination networks can also link accounts through repeated shared content, reposting, or temporal patterns to investigate manipulation campaigns [10, p. 455-466]. These methods can support the assessment of scams, malicious amplification, and suspicious interaction groups. Coordination alone does not establish harmful intent: legitimate campaigns and public events can produce similar patterns. Analyst verification, false-positive assessment, and preservation of supporting evidence are therefore essential. Where authorized, network findings should be combined with authentication records, message content, and incident context rather than used as automatic accusations.

GraphSAGE aggregates neighborhood features to represent previously unseen nodes [7], supporting classification and link prediction. Security applications require temporal validation, checks for manipulated links, and simpler baselines. Predictive alerts should guide investigation rather than establish malicious behavior.

5. Limitations and Future Directions

Network findings depend on which actors and ties are observed. Missing private interactions, platform-specific participation, account changes, and uneven sampling can distort centrality and community structure. Large datasets do not remove these biases. A defensible report should state its network boundary, sampling process, and uncertainty, and should avoid treating an observed digital network as a complete social system.

Privacy protection requires more than deleting names. Research on human mobility shows that behavioral traces can permit re-identification even when direct identifiers are removed [8]. Although mobility data differ from social graphs, the finding illustrates risks in linking rich digital records. SNA datasets should use data minimization, access controls, and aggregation where appropriate. Encryption, access logging, and defined retention periods help protect relationship records that could otherwise expose sensitive contacts or enable

targeted social engineering. Sensitive individual labels require a justified purpose and safeguards.

Promising directions include temporal and multilayer analysis, and graph learning that combines structure with validated content features. Language models may assist with extracting candidate entities, relations, or topics, but outputs require source verification. Security research should test robustness against fabricated links, changing attacker behavior, and coordinated evasion. Causal designs and transparent uncertainty remain necessary to distinguish description, prediction, and intervention effects.

6. Conclusion

SNA provides a relational framework for understanding connectivity, brokerage, communities, and diffusion. Digital applications extend to communication, business, education, public services, and security. It can support threat investigation while also revealing sensitive relationships that require protection. Practical value depends on clear tie definitions, appropriate methods, and contextual validation. Responsible use combines network evidence with domain knowledge and distinguishes structural patterns from causal explanations and verified security incidents.

References

1. Granovetter M.S. (1973). The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*, No. 78(6), P. 1360-1380. doi:10.1086/225469.
2. Freeman L.C. (1978/1979). Centrality in social networks: Conceptual clarification. *Social Networks*, No. 1(3), P. 215-239. doi:10.1016/0378-8733(78)90021-7.
3. Watts D.J., Strogatz S.H. (1998). Collective dynamics of small-world networks. *Nature*, No. 393, P. 440-442. doi:10.1038/30918.
4. Girvan M., Newman M.E.J. (2002). Community structure in social and biological networks. *PNAS*, No. 99(12), P. 7821-7826. doi:10.1073/pnas.122653799.
5. Shalizi C.R., Thomas A.C. (2011). Homophily and contagion are generically confounded in observational social network studies. *Sociological Methods & Research*, No. 40(2), P. 211-239. doi:10.1177/0049124111404820.
6. Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018). The spread of true and false news online. *Science*, No. 359(6380), P. 1146-1151. doi:10.1126/science.aap9559.
7. Hamilton W., Ying Z., Leskovec J. (2017). Inductive representation learning on large graphs. *Advances in Neural Information Processing*

Systems, 30. <https://proceedings.neurips.cc/paper/2017/hash/5dd9db5e033da9c6fb5ba83c7a7eb9ea9-Abstract.html>

8. de Montjoye Y.-A., Hidalgo C.A., Verley- sen M., Blondel V.D. (2013). Unique in the crowd: The privacy bounds of human mobility. Scientific Reports, 3, 1376. doi:10.1038/srep01376.

9. Cao Q., Sirivianos M., Yang X., Pregueiro T. (2012). Aiding the detection of fake

accounts in large scale social online services. NSDI, P. 197-210. <https://www.usenix.org/conference/nsdi12/technical-sessions/presentation/cao>

10. Pacheco D., Hui P.-M., Torres-Lugo C., Truong B.T., Flammini A., Menczer F. (2021). Uncovering coordinated networks on social media: Methods and case studies. ICWSM, No. 15(1), P. 455-466. doi:10.1609/icwsml.v15i1.18075.

Чан Тхи Хыонг

Ханойский университет природных ресурсов и окружающей среды, Вьетнам, г. Ханой

Нгуен Ба Ко

Корпорация ВКАV, Вьетнам, г. Ханой

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ (SNA): ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ К ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ И ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Анализ социальных сетей (SNA) изучает взаимосвязи между субъектами, чтобы объяснить, как социальная структура определяет возможности доступа к информации, характер сотрудничества и особенности коллективного поведения. Цифровые платформы расширили возможности наблюдения за взаимодействиями, но одновременно создали проблемы, связанные с их измерением, интерпретацией причинно-следственных связей, конфиденциальностью и безопасностью. В данном докладе рассматриваются теоретические основы и методы SNA, а также сферы их применения: коммуникации, бизнес, образование, государственные услуги и цифровая безопасность. Особое внимание уделяется проблеме фейковых аккаунтов, скоординированным манипуляциям и защите данных о взаимосвязях. Качественный анализ сетей требует четкого определения связей, прозрачности рабочих процессов, а также тщательной проверки полученных результатов и оценки их практической значимости.

Ключевые слова: анализ социальных сетей, центральность, выявление сообществ, распространение информации, цифровая безопасность.

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

САГИТОВ Салман Арсенович

сотрудник, Академия ФСО России, Россия, г. Орел

ГЮЛЬМАГОМЕДОВ Алимурад Пеняхович

сотрудник, Академия ФСО России, Россия, г. Орел

Научный руководитель – сотрудник Академии ФСО России Дрягин Сергей Викторович

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 1993 ГОДА В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЕКТОВ И БОРЬБА ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию конституционной реформы 1993 года в Российской Федерации, рассматриваемой как ключевой этап формирования современной российской государственности. В работе проводится сравнительно-правовой анализ основных проектов новой Конституции, разрабатывавшихся в 1990–1993 годах, выявляются концептуальные различия между парламентарно-президентской и президентской моделями организации власти. Особое внимание уделено институциональному конфликту между исполнительной и законодательной ветвями власти, достигшему кульминации в сентябре–октябре 1993 года. На основе архивных материалов, нормативных текстов и современной конституционно-правовой доктрины автор показывает, как политическая борьба предопределила выбор суперпрезидентской модели и повлияла на баланс сил, заложенный в действующем Основном законе. Делается вывод о том, что Конституция 1993 года стала результатом не столько консенсусного правотворчества, сколько институционального компромисса, вынужденно закрепившего асимметрию в пользу исполнительной власти. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе, а также при анализе современных тенденций конституционного развития России.

Ключевые слова: конституционная реформа 1993 года, проекты Конституции РФ, борьба ветвей власти, президентская модель, Съезд народных депутатов, Конституционная комиссия, политико-правовой кризис, Конституция 1993 года.

Принятие Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года стало поворотным моментом в постсоветской истории страны, зафиксировавшим окончательный разрыв с советской системой организации власти и заложившим основы современной российской государственности. Однако путь к новому Основному закону оказался крайне противоречивым: он сопровождался острой политической борьбой, институциональным противостоянием ветвей власти, множеством альтернативных правотворческих инициатив и в конечном итоге – силовым разрешением конституционного кризиса осени 1993 года.

Научный интерес к данному периоду сохраняется на протяжении трёх десятилетий, что обусловлено как исторической значимостью события, так и его прямым влиянием на архитектуру действующей конституционной системы. Цель настоящей статьи заключается в сравнительном анализе основных проектов Конституции, разрабатывавшихся в 1990–1993 годах, а также в реконструкции логики институционального конфликта между президентом и Съездом народных депутатов, который предопределил итоговый баланс сил в Основном законе.

После провозглашения государственного суверенитета России в июне 1990 года действующая Конституция РСФСР 1978 года подверглась многочисленным изменениям, однако её советская природа оставалась непреодолимым препятствием для построения полноценной правовой государственности. В мае 1990 года I Съезд народных депутатов РСФСР учредил Конституционную комиссию под председательством Б. Н. Ельцина, поручив ей подготовку проекта новой Конституции. В состав комиссии вошли депутаты, учёные-юристы, представители регионов и общественных организаций. Параллельно с работой комиссии в 1991-1992 годах активизировались альтернативные правотворческие процессы: свои проекты предлагали оппозиционные фракции, региональные элиты, академические институты и экспертные группы.

К началу 1993 года стало очевидно, что единого консенсусного текста сформировать не удаётся. Конституционная реформа превратилась в поле институционального противостояния, где юридические аргументы переплетались с политическими интересами. Ключевым вопросом стал выбор формы правления: сохранять ли модель, в которой законодательная власть доминирует над исполнительной, или перейти к сильному президентскому правлению, способному обеспечить стабильность в условиях трансформации.

В научной и документальной традиции выделяются три базовых типа проектов, конкурировавших в 1990–1993 годах.

Проект Конституционной комиссии (работы версии 1992 – начала 1993 гг.) ориентировался на парламентско-президентскую модель. В нём предусматривалось создание двухпалатного Федерального Собрания с широкими контрольными и законодательными полномочиями, включая утверждение состава правительства, бюджетный контроль и право выражения недоверия кабинету министров. Президент наделялся статусом главы государства и гаранта Конституции, но его полномочия ограничивались согласительными процедурами с парламентом. Важной особенностью проекта было закрепление принципа разделения властей с явным приоритетом законодательной ветви, а также детальная регламентация федерального устройства с акцентом на равноправие субъектов Федерации.

Президентский проект, разработанный рабочей группой Администрации Президента (С. Шахрай, А. Котенков, В. Зорькин на ранних этапах и др.), исходил из концепции президентской республики. В нём глава государства наделялся правом самостоятельного формирования правительства, издания указов, имеющих силу закона при определённых условиях, роспуска парламента в случае систематического конфликта, а также прямого избрания судей высших инстанций (с последующим утверждением Советом Федерации). Федеральное Собрание в этой модели играло преимущественно представительскую и законодательную роль без механизмов реального контроля над исполнительной властью. Проект также усиливал вертикаль федеральных отношений, ограничивая возможность субъектов РФ заключать двусторонние договоры с центром без согласования.

Альтернативные проекты (включая версию, поддержанную оппозиционными фракциями Съезда, а также региональные инициативы) часто содержали элементы советской модели власти: приоритет Съезда народных депутатов как высшего органа, коллективное руководство через Президиум или Государственный Совет, ограничение президентских сроков, усиление роли местных советов. Некоторые тексты предлагали конфедеративные или асимметрично-федеративные конструкции, отражая стремление национальных республик к расширению автономии.

Сравнительный анализ по ключевым параметрам показывает, что различия между проектами носили не только технический, но и цивилизационный характер. Если проект Конституционной комиссии стремился к институциональному балансу с парламентским ядром, то президентский вариант исходил из приоритета управляемости и эффективности исполнительной власти в условиях переходного периода. Альтернативные тексты, напротив, делали акцент на представительности, коллективном принятии решений и исторической преемственности с советской системой.

Правотворческий процесс в 1992-1993 годах развивался в условиях нарастающего противостояния между Президентом и Съездом народных депутатов РФ. Формально обе стороны ссылались на действующую Конституцию 1978 года (с изменениями), однако её

противоречивые нормы порождали взаимные обвинения в неконституционности. Съезд, опираясь на традицию советского парламентаризма, рассматривал себя как носитель высшего представительства и источник легитимности, тогда как президентская администрация апеллировала к прямому народному мандату и необходимости быстрых реформ.

Кульминацией конфликта стал апрельский всероссийский референдум 1993 года, на котором избирателям были заданы четыре вопроса, включая доверие Президенту и поддержку новой Конституции. Результаты референдума были истолкованы исполнительной властью как мандат на ускорение конституционного процесса и ограничение полномочий Съезда. В ответ законодательная власть активизировала работу над собственным проектом Основного закона, в котором закреплялось преобладающее положение Съезда.

Политико-правовое противостояние перешло в открытую фазу 21 сентября 1993 года, когда Указом Президента РФ № 1400 деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета была прекращена, а назначены выборы в новый парламент – Федеральное Собрание. Съезд и Конституционный суд квалифицировали указ как акт государственного переворота и превышение конституционных полномочий. В свою очередь, президентская сторона ссылалась на статью 121-6 Конституции 1978 года, предусматривавшую возможность роспуска Съезда в случае систематического нарушения им Конституции, а также на исключительные обстоятельства, угрожающие целостности государства.

События 3-4 октября 1993 года в Москве стали силовым завершением институционального кризиса. После подавления вооружённого сопротивления сторонников парламента политическое поле оказалось полностью подконтрольным президентской администрации, что предопределило доминирование президентского проекта в финальной версии Конституции. Важно отметить, что, несмотря на силовой характер разрешения конфликта, итоговый текст подвергся существенной доработке: в него были включены положения о федеративном устройстве, независимости судебной власти, защите прав человека, а также механизмы сдержек и противовесов, смягчавшие первоначальный президентский вариант.

Конституция Российской Федерации, одобренная на референдуме 12 декабря 1993 года, закрепила президентскую республику с выраженным акцентом на сильную исполнительную власть. Глава государства получил широкие полномочия в области формирования правительства, руководства силовыми структурами, законодательной инициативы, а также право роспуска Государственной Думы при определённых условиях. Федеральное Собрание, хотя и наделено законодательными и контрольными функциями, не располагает реальными механизмами политического давления на исполнительную ветвь. Конституционный Суд, созданный в 1991 году, был распущен в ходе октябрьских событий и восстановлен лишь в 1994 году, что отразило подчинённое положение судебной власти в первые годы после принятия Основного закона.

Сравнительный анализ показывает, что итоговая Конституция 1993 года не стала прямым воспроизведением президентского проекта, однако его концептуальные рамки оказались доминирующими. Парламентские предложения были частично интегрированы в виде процедур согласования, но не изменили базовую архитектуру разделения властей. Альтернативные советские и конфедеративные модели были полностью исключены из правового поля.

В долгосрочной перспективе конституционная реформа 1993 года оказала двойственное влияние на развитие российской государственности. С одной стороны, она обеспечила правовую определённость, создала стабильную институциональную основу для рыночных реформ и интеграции в международное право. С другой – закреплённая асимметрия в пользу исполнительной власти породила дисбаланс, который в последующие десятилетия неоднократно корректировался посредством конституционных изменений (2008, 2014, 2020 гг.), однако базовая модель управления осталась неизменной.

В современной конституционной доктрине преобладает оценка 1993 года как периода «принудительной модернизации», где правоительство выступало инструментом политического урегулирования, а не результатом длительного общественного консенсуса. Тем не менее, гибкость текста, заложенные механизмы толкования и эволюционная практика

применения позволили Конституции адаптироваться к меняющимся условиям, сохранив свою юридическую силу и легитимность.

Конституционная реформа 1993 года в России представляет собой сложный историко-правовой феномен, в котором переплелись идеологические поиски, институциональное соперничество и экстремальные политические обстоятельства. Сравнительный анализ проектов Конституции показывает, что борьба ветвей власти не сводилась лишь к персональному противостоянию: она отражала фундаментальный выбор между парламентским балансом и президентской эффективностью, между преемственностью и разрывом с советским наследием. Победа президентской модели в октябре 1993 года предопределила архитектуру действующего Основного закона, закрепив асимметрию в пользу исполнительной власти и ограничив реальные возможности законодательного контроля.

Несмотря на спорный характер принятия и силовое разрешение кризиса, Конституция 1993 года выполнила свою главную функцию – остановила институциональный хаос и создала правовую основу для государственного строительства. Её долгосрочная жизнеспособность подтверждается не только отсутствием замены, но и способностью к постепенной адаптации через официальные изменения и конституционно-судебную практику. Изучение конституционной реформы 1993 года остаётся актуальным не только как исторический

экскурс, но и как источник уроков о пределах правового формализма, роли политического компромисса и условиях устойчивости конституционного порядка в переходные эпохи.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Шахрай С.М. Конституционный процесс в России: 1990–1993 гг. М.: Статут, 2008.
3. Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России: история и современность. М.: Юридическая литература, 1994.
4. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. 6-е изд. М.: Проспект, 2019.
5. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. Т. 1. М.: Норма, 2010.
6. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Статут, 2011.
7. Конституционный кризис 1993 года в документах и материалах / под ред. А.Е. Постникова. М.: ИНФРА-М, 2003.
8. Гаджиев Г.А. Конституционная экономика. М.: Норма, 2006.
9. Митюков М.А. Конституция и политическая система России. М.: Манускрипт, 1995.
10. Судебная защита конституционного строя: сб. статей / отв. ред. В.Д. Зорькин. М.: Юрист, 2013.

SAGITOV Salman Arsenovich

Employee, Academy Federal Security Service of Russia, Russia, Orel

GULMAGOMEDOV Alimurad Penyakhovich

Employee, Academy Federal Security Service of Russia, Russia, Orel

Scientific Advisor – Employee of the Academy Federal Security Service of Russia

Dryagin Sergei Viktorovich

CONSTITUTIONAL REFORM OF 1993 IN RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS OF DRAFTS AND THE STRUGGLE BETWEEN BRANCHES OF POWER

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive study of the constitutional reform of 1993 in the Russian Federation, regarded as a key stage in the formation of modern Russian statehood. The paper conducts a comparative legal analysis of the main drafts of the new Constitution developed in 1990–1993, revealing conceptual differences between the parliamentary-presidential and presidential models of power organization. Special attention is paid to the institutional conflict between the executive and legislative branches of power, which reached its climax in September–October 1993. Based on archival materials, regulatory texts, and modern constitutional-legal doctrine, the author demonstrates how political struggle predetermined the choice of a super-presidential model and influenced the balance of power enshrined in the current Fundamental Law. It is concluded that the Constitution of 1993 was the result not so much of consensus-based lawmaking as of an institutional compromise that forcibly entrenched asymmetry in favor of the executive branch. The results of the study can be used in the educational process, as well as in the analysis of modern trends in the constitutional development of Russia.*

Keywords: *constitutional reform of 1993, drafts of the Constitution of the Russian Federation, struggle between branches of power, presidential model, Congress of People's Deputies, Constitutional Commission, political-legal crisis, Constitution of 1993.*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

АНДРИАНОВА Дарья Викторовна

студентка, Российская таможенная академия, Россия, г. Люберцы

*Научный руководитель – доцент кафедры гражданского права
Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук Недосекова Елена Станиславовна*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. В статье исследуются проблемы правового регулирования статуса индивидуального предпринимателя в российском законодательстве. При анализе правового регулирования статуса индивидуального предпринимателя выявлены недостатки, выражающиеся в бессистемности терминологии, разрозненности правовых норм и субсидиарном применении в банкротстве правил, предназначенных как для физических, так и для юридических лиц. Сложившаяся правовая неопределенность ставит индивидуальных предпринимателей в неравное положение по сравнению с иными субъектами предпринимательской деятельности и снижает эффективность процедур банкротства. В связи с этим сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, которые направлены на формирование целостного и непротиворечивого правового регулирования статуса индивидуального предпринимателя.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, правовой статус, банкротство, административная ответственность, налоговое право, налоги.

К лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, относятся коммерческие организации и индивидуальные предприниматели (далее – ИП). Если правовое регулирование коммерческих организаций является системным и подробным, то правовое регулирование института индивидуального предпринимательства отличается бессистемностью и несогласованностью правовых норм, что требует исследования и формирования предложений по решению данной проблемы.

Проблемы правового регулирования статуса ИП наблюдаются в различных отраслях российского законодательства. Так, в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) отсутствует определение ИП, а правовое регулирование его статуса ограничено одной нормой (ст. 23) [1]. По остальным вопросам (правоспособность и дееспособность, имущественная ответственность и т. д.) ИП приравнивается к юридическим лицам.

Аналогичная проблема наблюдается в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [2]. При банкротстве ИП применяются нормы о банкротстве физических и юридических лиц. Это, в свою очередь, приводит к трудностям на практике, когда суды вынуждены применять нормы о банкротстве, относящиеся к физическим или юридическим лицам [3, с. 77]. При этом в научной литературе также отсутствует единая позиция относительно выбора системы норм при банкротстве ИП, поэтому ИП в процедурах банкротства оказываются в худшем положении, чем физические лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, и юридические лица.

Более того, законодательство о банкротстве существенно ухудшает положение ИП по сравнению с юридическими лицами по вопросу освобождения от уплаты задолженности по

обязательным платежам (налогов, штрафов и т. п.), включенным в текущие платежи. Если юридическое лицо не исполнило требования по текущим платежам, то после его ликвидации эти обязательства прекращаются, в то время как у ИП они сохраняются даже после завершения процедуры банкротства [4, с. 54-55]. В результате чего после банкротства ИП не полностью избавляется от задолженности, что не в полной мере соответствует цели данной процедуры.

Правовое регулирование статуса ИП характеризуется не только пробелами, но и несогласованностью правовых норм. Так, в Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) отсутствует единый категориальный аппарат в отношении ИП. Эта проблема проявляется в том, что в КоАП РФ предприниматель либо приравнен к должностным лицам в соответствии со ст. 2.4 КоАП РФ, либо он выделен в качестве самостоятельного субъекта (как в санкциях ч. 3 ст. 6.25 и ч. 2 ст. 7.23.3 КоАП РФ), либо он указан как «лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица» (статьи 5.27 и ч. 6 ст. 8.2 КоАП РФ).

Дополнительные сложности вносят примечания к некоторым статьям КоАП РФ, в которых отдельно регулируется ответственность ИП. Например, в примечании к ст. 15.3 КоАП РФ указано, что по статьям 15.4, 15.6–15.9, 15.11 КоАП РФ к ответственности привлекаются должностные лица, за исключением ИП [5]. Схожее примечание содержится в ст. 18.1 КоАП РФ, которое приравнивает ИП к юридическим лицам в рамках главы 18 КоАП РФ.

Аналогичная несогласованность норм наблюдается в Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ). Далеко не во всех случаях ИП указан в качестве плательщика налога, часто указано, что налог должно заплатить физическое лицо, из чего косвенно следует, что ИП тоже должно заплатить данный налог (транспортный налог, земельный налог, налог на доходы физических лиц). Причем в некоторых случаях ИП указаны либо как самостоятельные плательщики налога (налог на добавленную стоимость, акцизы), либо как «физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели» (водный налог) [6].

Как можно заметить, сразу в нескольких отраслях российского законодательства наблюдаются пробелы в регулировании правового

статуса ИП, что создает сложности в правоприменении и ухудшает положение ИП по сравнению с юридическими лицами и физическими лицами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность. Представляется, что для решения данной проблемы необходимо доработать законодательство в части регулирования правового статуса ИП, а именно:

1. Ввести в ГК РФ нормы, регулирующие правовой статус ИП. Представляется, что в ГК РФ могут быть урегулированы основные аспекты правового положения ИП: понятие ИП, его правосубъектность, ответственность, создание, ликвидация и другие особенности.

2. Разработать детальное регулирование банкротства ИП, которое четко установит правила их банкротства и исключит субсидиарное применение норм для юридических лиц и физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность. Представляется, что в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» необходимо ввести отдельную главу, регулирующую особенности банкротства ИП. Также следует смягчить последствия банкротства для ИП и освободить его от уплаты обязательных платежей после завершения данной процедуры, чтобы улучшить положение ИП и обеспечить реальный восстановительный эффект банкротства.

3. Ввести единую терминологию в КоАП РФ в части ответственности ИП. Следует либо ввести ИП как отдельную категорию лиц, которая может быть привлечена к административной ответственности, либо во всех без исключения статьях приравнивать ИП к должностным лицам. Первое решение является более предпочтительным, поскольку введение ИП в качестве отдельной категории позволит провести более гибкую дифференциацию административных санкций, когда санкции для ИП отличаются от санкций, применяемых к физическим лицам, не осуществляющим предпринимательскую деятельность, должностным лицам и организациям.

4. Внести изменения в НК РФ, чтобы ИП указывался в качестве самостоятельного налогоплательщика по налогам, которые он обязан уплачивать в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Например, если ИП обязан уплачивать транспортный налог в связи с наличием у него автомобиля, который

предприниматель использует для осуществления предпринимательской деятельности, соответственно, ИП должен быть указан как самостоятельный плательщик налога. Благодаря таким изменениям будет разрешена ситуация, когда плательщик налога прямо не называется, но подразумевается.

Реализация указанных изменений позволит, во-первых, существенно повысить уровень правовой защищенности ИП, во-вторых, обеспечить четкое законодательное определение их статуса и конкретизировать перечень подлежащих уплате налогов, и в-третьих, устранить неопределенность в вопросах привлечения ИП к административной ответственности путем однозначного закрепления в статьях КоАП РФ случаев, когда они выступают в качестве самостоятельного субъекта и подлежат привлечению к административной ответственности. Существенный положительный эффект будет от изменений в процедуре банкротства ИП, поскольку будет установлено разграничение ИП от юридических и физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность, что упростит судебное ведение банкротства. А списание обязательных платежей после завершения банкротства обеспечит восстановительный эффект данной процедуры.

Проведенное исследование позволяет заключить, что правовой статус ИП в российском законодательстве характеризуется отсутствием единого правового регулирования, что проявляется в многочисленных пробелах и несогласованностях регулирования ИП в гражданском, административном, налоговом и банкротном законодательствах. Для решения

данной проблемы необходимо внести изменения в ГК РФ, КоАП РФ, НК РФ и Закон о банкротстве, направленные на формирование целостного и непротиворечивого правового регулирования, которое обеспечит реальную защиту прав ИП, целостность законодательства в данной сфере, что, в свою очередь, будет способствовать развитию малого предпринимательства в России.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Адаменко А.П. Банкротство индивидуальных предпринимателей – правовые проблемы // Имущественные отношения в РФ. 2025. № 8 (287). С. 76-84.
4. Кострова О.В. Особенность правового статуса индивидуального предпринимателя // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 52-57.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

ANDRIANOVA Darya Viktorovna

Student, Russian Customs Academy, Russia, Lyubertsy

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Russian Customs Academy, Candidate of legal Sciences, Associate Professor
Nedosekova Elena Stanislavovna*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR IN RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. *The article examines the problems of legal regulation of the status of an individual entrepreneur in Russian legislation. An analysis of the legal regulation of the status of an individual entrepreneur has revealed shortcomings manifested in the lack of systematic terminology, the fragmentation of legal norms, and the subsidiary application in bankruptcy of rules intended for both individuals and legal entities. The resulting legal uncertainty places individual entrepreneurs in an unequal position compared to other subjects of entrepreneurial activity and reduces the effectiveness of bankruptcy procedures. In this regard, proposals have been formulated to improve legislation, aimed at forming a holistic and consistent legal regulation of the status of an individual entrepreneur.*

Keywords: *individual entrepreneur, legal status, bankruptcy, administrative liability, tax law, taxes.*

БАВИЛИНА Ксения Сергеевна

магистрантка, Северо-Западный институт (филиал)
Московского гуманитарно-экономического университета, Россия, г. Мурманск

*Научный руководитель – Северо-Западного института (филиала)
Московского гуманитарно-экономического университета Иванова Вера Сергеевна*

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ, ВИДЫ, ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ И НАКАЗАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности привилегированных составов преступления. Приводится классификация всех существующих составов преступления: по характеру и степени общественной опасности, по способу описания и по положению отдельных элементов состава преступления, зафиксированных в диспозиции той или иной статьи. Отмечается, что привилегированный состав является конструктивно и идеологически достаточно эффективным механизмом борьбы с отдельными видами особо опасных преступлений. Подробно анализируется значение представленного состава для уголовно-правовой характеристики преступлений, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако, привилегированный состав преступления необходимо законодательно развивать, например, расширяя круг общественных отношений, на которые может распространяться указанный состав.

Ключевые слова: привилегированный состав, признак преступления, криминализация, правовые средства, квалификация преступлений, состав преступления.

Прежде чем переходить к изучению характерных особенностей и признаков привилегированного состава преступления, нам необходимо рассмотреть квалификацию общественно опасных деяний. Под квалификацией следует понимать установление правоохранительными органами или же следователем особых признаков, отсылающих к тому или иному составу преступления.

Согласно уголовно-правовой доктрине, квалификация должна проходить в несколько этапов. Сначала следователь определяет все обстоятельства дела, относящиеся к объекту и объективной стороне, а уже потом переходит к изучению субъективных признаков, характеризующих непосредственно сам субъект и субъективную сторону. Как только будут совершены все указанные действия, необходимо переходить к поиску уголовно-правовой нормы, в диспозиции которой содержится подходящий состав преступного деяния. В случае если все признаки совершенного преступления будут полностью совпадать с диспозицией конкретной статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), можно говорить о

точной уголовно-правовой оценке преступного деяния [1].

В науке уголовного права принято классифицировать состав преступления по трем отдельным основаниям:

1. По характеру и степени общественной опасности;
2. По способу описания;
3. По положению отдельных элементов состава преступления, зафиксированных в диспозиции той или иной статьи.

По характеру и степени общественной опасности все существующие составы преступлений можно разделить на следующие виды:

1. Основной,
2. Квалифицированный,
3. Привилегированный.

Такое деление составов преступления имеет важное значение для дальнейшей квалификации преступлений, т. к. именно от определения состава по данному основанию зависит строгость уголовного наказания.

Так, например, при квалифицированном составе санкция будет гораздо жестче, чем при привилегированном [4].

В зависимости от конструкции состава преступления выделяют следующие виды составов:

1. Материальный,
2. Формальный,
3. Усеченный.

Так, В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закреплены специальные составы преступлений, которые предназначены для смягчения наказания лицам, в чьих действиях присутствуют обстоятельства, влияющие на понижение уголовной ответственности. Речь идет о привилегированных составах преступлений или, по-другому, о составах со смягчающими обстоятельствами.

Смягчающие обстоятельства, предусмотренные в нормах Особенной части УК РФ, фактически представляют собой признаки - привилегии, которые делают привилегированные составы преступлений отличными от основных и квалифицированных.

Привилегированные составы конструируются либо в виде самостоятельных статей (например, составы убийства, предусмотренные ст. 106–108 УК РФ, которые являются привилегированными по сравнению с основным составом убийства, указанным в другой норме – ч. 1 ст. 105 УК РФ), либо путем помещения состава со смягчающим обстоятельством в одной статье с основным составом (например, ч. 3 ст. 342 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение уставных правил караульной службы).

Основанием криминализации привилегированных составов преступлений, как и основных и квалифицированных составов, выступает общественно опасное поведение, причиняющее или способное причинить вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом [4].

Некоторые виды привилегированных составов преступлений:

1. Особое психофизиологическое состояние женщины-роженицы, выраженное в убийстве новорождённого ребёнка во время или сразу же после родов, в условиях психотравмирующей ситуации, в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости (ст. 106 УК РФ).

2. Состояние аффекта, вызванное насилием, издевательствами или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными

действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией.

3. Убийство, совершаемое при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) [3].

Еще одним из генеральных направлений в уголовно-правовой политике любого развитого общества в сфере борьбы с преступностью, на которое также оказывает влияние характер и типовая степень общественной опасности, выступает дифференциация ответственности лиц, нарушивших уголовный закон. Понимают под дифференциацией уголовной ответственности разграничение, разность, различие, разделение на элементы, категории, виды в зависимости от выбранного критерия с целью назначения наиболее справедливого наказания, то есть квалификацию [6].

При решении вопроса об основании дифференциации ответственности за привилегированные составы преступлений считаем необходимым ограничиться только типовой степенью общественной опасности деяния, так как функция дифференциации ответственности является главной системной функцией привилегированных признаков, а они, как мы знаем, имеют главную функцию – отражать значительное изменение типовой степени общественной опасности содеянного.

Принципами дифференциации уголовной ответственности привилегированных составов преступлений можно признать исходные начала, на основании которых наказание должно соответствовать деянию, в данном случае деянию, которое понижает уголовную ответственность и отражает изменение типовой степени общественной опасности содеянного. То есть наказание при разной степени общественной опасности должно быть разным и прежде всего справедливым. Не зря Р. Р. Галиакбаров утверждал: «принципы уголовного права предопределяются уголовной политикой» [7].

Таким образом, структура дифференциации уголовной ответственности с помощью привилегированных признаков может быть представлена следующим образом:

1. Субъектом дифференциации выступает законодатель, который и осуществляет разделение ответственности;

2. Основанием дифференциации является типовая степень общественной опасности содеянного;

3. Средством дифференциации представляются непосредственно сами привилегированные составы преступлений;

4. Обстоятельства дифференциации выражаются в признаках – привилегиях;

5. Принципом дифференциации уголовной ответственности можно признать исходные начала, на основании которых наказание должно соответствовать деянию, а в данном случае, деянию, которое понижает уголовную ответственность и отражает изменение типовой степени общественной опасности содеянного.

Основная трудность процесса назначения наказания за совершение привилегированного убийства заключается в поиске такой наказуемости, которая являлась бы одновременно и достаточной, и необходимой, потому как соразмерность наказания – главный фактор справедливого государственного воздействия. Полагаем, что здесь будет уместно привести данные, полученные в ходе проведенного нами на X Российском конгрессе уголовного права (Москва, 2016 г.), на III Саратовских уголовно-правовых чтениях «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (Саратов, 2018 г.), а также на международной научно-практической конференции «Права и свободы человека: проблемы обеспечения и защиты на международном и национальном уровнях» (Астрахань, 2018 г.) анкетирования среди практических работников, студентов, магистров, аспирантов. Из 210 респондентов более 40% ответили, что самое достаточное и эффективное наказание за привилегированные составы преступлений – лишение свободы. Чуть меньшее количество опрошенных полагает, что таковым наказанием является ограничение свободы, а около 14% респондентов считают, что за подобные деяния должны быть назначены принудительные работы.

Федеральные законы РФ внесли свои коррективы в конструкции санкций привилегированных составов преступлений. В первую очередь, санкции стали более альтернативными и дополнились двумя видами наказаний – исправительными и принудительными работами, что позволит правоприменителю, выбирая необходимый вид, в большей степени индивидуализировать наказание. Процесс альтернативности уголовно-правовых санкций органически сопряжен с характером и степенью общественной опасности, в связи с чем, уменьшение показателей общественной

опасности деяния увеличивает показатель альтернативности санкций, включающих наказание, как правило, не связанное с лишением свободы.

Таким образом, перспективными направлениями разработки темы исследования видятся дальнейшее осмысление правовой природы привилегированных признаков (признаков – привилегий), позволяющих четко разграничивать привилегированные составы преступлений со смежными уголовно-правовыми категориями (основными и квалифицированными составами преступлений, обстоятельствами, смягчающими наказание и др.), а равно выявление особенностей техники конструирования привилегированных составов преступлений.

Литература

1. Иногамова-Хегай Л.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 407 с.
2. Барышева К.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков, А.К. Князькина, А.Н. Лясколо, С.А. Маркунцов, В.В. Палий, А.А. Энгельгардт. – Москва: Проспект, 2019. – 752 с.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: [Текст]: Федер. закон: [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.] // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Крылова Н.Е. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении: учебник для вузов / Н.Е. Крылова, Н.Ф. Кузнецова, И.М. Тяжкова – Москва: Зерцало-М, 2002. – 624 с.
5. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика: монография / Л.Д. Гаухман. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Центр ЮрИнфоР, 2005. – 456 с.
6. Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России / Э.В. Кабурнеев; [Моск. ун-т МВД России]. – Москва 2017. – 46 с.
7. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право: Общ. часть: Учебник / Р.Р. Галиакбаров; М-во сел. хоз-ва и продовольствия РФ. Куб. гос. аграр. ун-т. – Краснодар: Куб. гос. аграр. ун-т, 1999. – 444 с.

VAVILINA Ksenia Sergeevna

Graduate Student, North-Western Institute (Branch)
Moscow University of Humanities and Economics, Russia, Murmansk

*Scientific Advisor – North-Western Institute (Branch) Moscow University of Humanities and Economics
Ivanova Vera Sergeevna*

PRIVILEGED CRIMES: THE CONCEPT, GROUNDS FOR CRIMINALIZATION, TYPES, FEATURES OF QUALIFICATION AND PUNISHMENT

Abstract. *The article discusses the features of privileged crimes. The classification of all existing elements of crime is given: by the nature and degree of public danger, by the method of description and by the position of individual elements of the crime fixed in the disposition of an article. It is noted that the privileged staff is a constructively and ideologically quite effective mechanism for combating certain types of particularly dangerous crimes. The significance of the presented composition for the criminal law characteristics of crimes provided for in articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is analyzed in detail. However, the privileged corpus delicti needs to be developed legislatively, for example, by expanding the range of public relations to which the specified composition may apply.*

Keywords: *privileged composition, crime sign, criminalization, legal means, qualification of crimes, corpus delicti.*

ОСАВОЛЮК Максим Владимирович

магистрант, Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

*Научный руководитель – профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук Соловьёва Татьяна Владимировна*

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Аннотация. В статье анализируются отдельные определения понятия мер государственного принуждения, а также рассматриваются различные классификации принудительных мер в цивилистическом судопроизводстве России. Актуальность темы заключается в том, что в науке недостаточно разработанным остаётся вопрос государственного принуждения в цивилистических судебных процессах, которое следует изучать в широком смысле. В работе исследованы мнения представителей доктрины, положения действующего законодательства России. По итогам научной работы автором сделаны вывод о том, что меры государственного принуждения в цивилистическом судопроизводстве есть средства и инструменты принудительного воздействия, применяемые для обеспечения надлежащего поведения участников процесса независимо от их воли для правильного хода рассмотрения и разрешения дела. Предложено расширить список принудительных мер в цивилистическом процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, гражданский процесс, государственное принуждение, меры процессуального принуждения, обеспечительные меры, превентивные меры, судебные штрафы.

Введение

В действующем законодательстве Российской Федерации прямое определение понятия мер государственного принуждения содержится лишь в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации [1] (далее – КАС РФ) в ч. 1 ст. 116. Более того, только указанный кодифицированный акт включает и обособленную главу 11, посвящённую принудительным мерам. В иных кодексах о цивилистических судопроизводствах (в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [2] и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации [3] (далее – АПК РФ)) меры принуждения должным образом не сгруппированы.

Основная часть

В «Большой российской энциклопедии» меры процессуального принуждения обозначаются как «средства воздействия, применяемые для обеспечения надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства» [4]. Причём акцентируется, что они применимы лишь в том случае, если ненадлежащее поведение лиц или возможность такого поведения образует или может создать препятствия для

судопроизводства. Данное определение и замечание вполне относимы и к цивилистическому судебному процессу, потому как меры принуждения действительно являются средствами, путём которых производится государственное воздействие на конкретных лиц. Однако такие меры обеспечивают не просто должное поведение субъектов, а шире – правильный ход рассмотрения и разрешения соответствующего дела.

Штода И. С. называет мерами государственного принуждения «...варианты социально-юридического принудительного воздействия на определённых участников общественных отношений, закреплённые в современном российском законодательстве» [5, с. 52]. Перенимая эту, в целом, правильную и обстоятельную формулировку в сферу цивилистического судопроизводства, можно сказать, что мерами государственного принуждения в цивилистических судебных процессах являются установленные действующим законодательством варианты принудительного воздействия на определённых участников цивилистических процессуальных отношений.

Как инструмент воздействия на субъектов гражданских процессуальных правоотношений, вне зависимости от их воли обеспечивающий интересы государства по осуществлению их же обязанностей, понимает меру принуждения Николаев С. В. [6, с. 180]. Данное определение повторяет существенные черты государственного принуждения, проанализированные в другой научной работе [7, с. 32], что в целом и является верным, ведь государственное принуждение в цивилистическом судопроизводстве с буквально-практической точки зрения – это и есть конкретные применяемые меры по отношению к определённым лицам.

Легальное определение, как упоминалось ранее, закреплено в ч. 1 ст. 116 КАС РФ, согласно которой мерами процессуального принуждения называются регламентированные КАС РФ действия, применяемые к лицам, нарушающим установленные в суде правила и препятствующим осуществлению судопроизводства. Законодатель достаточно лаконично дефинировал меры принуждения, одновременно указав основания их применения – наличие нарушения правил судопроизводства и создание препятствий со стороны субъектов судебного процесса.

Меры государственного принуждения делятся на различные виды. Законодатель в ч. 2 ст. 116 КАС РФ прямо закрепил шесть таких мер: ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение его слова, предупреждение, удаление из зала судебного заседания, привод, обязательство о явке и судебный штраф. Все эти меры со своими особенностями, кроме обязательства о явке, имеются и в гражданском судопроизводстве (ч. 1, 2 ст. 159, ч. 2 ст. 168, ст. 105 ГПК РФ соответственно), а за исключением привода – и в арбитражном (ч. 4.1, 4 ст. 154, 119 АПК РФ). Но в научной среде к принудительным мерам в указанных судебных процессах относят гораздо больше средств и инструментов.

Помимо упомянутых мер принуждения Хамрабаева С. А. и Акопян Р. О. обозначают, что в ГПК РФ предусмотрено также возложение убытков [8, с. 285]. Если под этим авторами подразумевается требование суда к истцу о предоставлении обеспечения потенциальных убытков ответчика при обеспечении иска (ст. 146 ГПК РФ) (при котором суд может обязать истца перевести на депозит судебного органа соответствующую денежную сумму), то можно согласиться с тем, чтоб считать названную меру принудительной ввиду того, что такое требование суда должно быть реализовано

истцом даже против его воли. Аналогичная мера имеется и в арбитражном судопроизводстве – встречное обеспечение в форме требования суда (ст. 94 АПК РФ), однако в арбитражном процессуальном законодательстве она более развита и детализирована (см. ч. 1 – ч. 8 ст. 94 АПК РФ).

Нохрин Д. Г. утверждает, что в гражданском судопроизводстве государственное принуждение проявляется в шести формах, а именно: мерах защиты (отказ в удовлетворении заявлений, ходатайств, гражданские процессуальные фикции, отмену или изменение судебного акта), превенции (закрытое судебное заседание, обращение решения к немедленному исполнению, отводы, частное определение суда), пресечения (обеспечение иска), обеспечения (обеспечение и истребование доказательств, принудительное направление на судебно-психиатрическую экспертизу), инициирования (меры по привлечению в процесс того или иного участника), а также юридической ответственности [9, с. 6-8]. Как видно, автор описывает государственное принуждение довольно широко, в связи с чем и относит к соответствующим мерам множество процессуальных средств и явлений. Все названные им меры содержат в своей сущности властное воздействие государства в лице суда, реализуемое принудительно, то есть независимо от желания участников процессуальных отношений, поэтому правильно их считать принудительными.

Кроме того, в научных работах процессуальные принудительные меры подразделяют ещё на имущественные и неимущественные. Среди последних Позднякова С. В. выделяет:

1. Предупреждение лицу, нарушающему порядок во время судебного разбирательства (ч. 1, 3 ст. 159 ГПК РФ);
2. Удаление из зала судебного заседания (ч. 2 ст. 159 ГПК РФ);
3. Принудительный привод (ч. 2 ст. 168 ГПК РФ) [10, с. 22].

Неимущественные принудительные меры обращены на нарушителя и не касаются его имущественных интересов. Они состоят в принудительном исполнении лицом своих процессуальных обязанностей.

К имущественным, в свою очередь, относятся:

1. Наложение штрафа в случаях и размерах, предусмотренных законом (ст. 105 ГПК РФ);
2. Взыскание компенсации за потерю времени (ст. 99 ГПК РФ);

3. Лишение права на получение принадлежащих правонарушителю денежных сумм (в частности, свидетеля, в случае если к нему применялись меры, предусмотренные ст. 168 ГПК РФ) [11, с. 92].

Представленные выше меры принуждения относятся к мерам ответственности в гражданском судопроизводстве.

Говоря о принудительных процессуальных мерах в целом, думается, что большинство из них относится к неимущественным, так как не имеют связи не опосредованно с имущественными правами и интересами. Так, меры защиты (оставление заявления без движения, отказ в удовлетворении заявлений и др.), превенции (отводы, частное определение суда и др.) имеют неимущественный характер. Имущественными мерами принуждения можно считать обеспечение иска и доказательств, их истребование.

Вдобавок к вышеприведённым классификациям, все меры процессуального принуждения ещё представляется возможным поделить в зависимости от права или обязанности их применения судом. Так, в частности, судья вправе по собственному усмотрению применить или не применить следующие меры государственного принуждения: вынесение частного определения (ч. 1 ст. 226 ГПК РФ, ч. 1 ст. 188.1 АПК РФ), обеспечение иска (ч. 1 ст. 139 ГПК РФ, ч. 1 ст. 90 АПК РФ), ограничение выступления участника судебного разбирательства (ч. 1 и 1.1 ст. 159 ГПК РФ, ч. 4.1 и 4.2 ст. 154 АПК РФ, п. 1 ст. 118 КАС РФ) и другие. Обязательные для вынесения судом принудительные меры, к примеру, включают: приостановление производства по делу в случаях, предусмотренных ст. 215 ГПК РФ; отложение на тридцать дней разбирательства дела, связанного со спором о ребенке, в соответствии с ч. 1.1 ст. 169 ГПК РФ.

Ещё одним подходом к группировке мер принуждения в гражданском судопроизводстве хотелось бы предложить разделение мер на: 1) назначаемые судом, 2) назначаемые и применяемые судом. Судья только назначает, но сам не применяет такие принудительные меры, в частности, как судебный штраф, принудительный привод, удаление нарушающих порядок лиц из зала судебного заседания, меры по обеспечению иска, взыскание компенсации за потерю времени. Названные меры непосредственно применяют обычно судебные приставы-исполнители, если добровольный порядок исключён. Вторая группа – суд одновременно назначает и применяет (либо просто применяет) меры: непринятие отказа истца от

иска, уменьшения размера исковых требований, признания ответчиком иска, неутверждение мирового соглашения, возвращение заявления о вынесении судебного приказа, отказ в принятии искового заявления и другие.

Таким образом, на основании проведённого исследования сформулируем следующие выводы:

1. Меры государственного принуждения в гражданском судопроизводстве представляют собой средства и инструменты (варианты) принудительного воздействия, применяемые для обеспечения надлежащего поведения участников процесса независимо от их воли и, как следствие, для правильного хода рассмотрения и разрешения соответствующего дела.

2. Определено, что существует множество вариантов классификации принудительных процессуальных мер. Основной стоит считать разделение их на меры защиты, обеспечения, пресечения, превенции, инициирования и ответственности. Перечисленные меры бывают как имущественного, так и неимущественного характера, причем последние преобладают.

3. Законодатель относит к мерам процессуального принуждения сравнительно небольшой перечень правовых средств и инструментов, что прямо зафиксировано в ч. 2 ст. 116 КАС РФ. В связи с этим, предлагается расширить список таких мер в данной статье согласно доктринальному видению и дополнить ГПК и АПК РФ аналогичной статьёй, в которой будут перечислены основные принудительные меры, с учётом особенностей каждой из отраслей, что будет способствовать повышению ясности и правовой определённости.

Литература

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (дата обращения: 30.09.2026).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828> (дата обращения: 30.09.2026).

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) / Официальный интернет-портал правовой информации

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079219> (дата обращения: 30.09.2026).

4. Мыцыков А.Я. Меры процессуального принуждения. // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://web.archive.org/web/20250715062308/https://old.bigenc.ru/law/text/2206354> (дата обращения: 22.01.2026).

5. Штода И.С. Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование: автореферат дис. кандидата юридических наук : 12.00.01 / Штода Иван Сергеевич; [Место защиты: Институт государства и права Российской академии наук]. – Москва, 2020. – 25 с.

6. Николаев С.В. Понимание и реализация мер государственного принуждения в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения 2023: сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции, Гатчина, 26 мая 2023 года. Т. 2. Гатчина: Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 180-182.

7. Осаволюк М.В. Понятие и признаки государственного принуждения в гражданском судопроизводстве // Актуальные исследования. 2026. № 17 (303). Ч. II. С. 31-34.

8. Хамрабаева С.А. Меры принуждения в гражданском процессуальном праве / С.А. Хамрабаева, Р.О. Акопян. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 284-286.

9. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: автореферат дис. кандидата юридических наук: 12.00.15 / Д.Г. Нохрин; [Место защиты: МГУ им. М.В. Ломоносова]. – М, 2007. – 30 с.

10. Позднякова С.В. Виды мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве / С.В. Позднякова // Государственно-правовая система в условиях информационного общества. 2020. С. 21-24.

11. Цихоцкий А.В. Процессуальное принуждение в гражданском судопроизводстве / А.В. Цихоцкий // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 1. С. 89-94.

OSAVOLYUK Maxim Vladimirovich

Master's Student, Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

*Scientific Advisor – Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy,
Doctor of Law Solovyova Tatyana Vladimirovna*

MEASURES OF STATE COERCION IN THE CIVIL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The paper investigates certain definitions of the concept of state coercive measures and also examines various classifications of coercive measures in civil proceedings in the Russian Federation. The relevance of the topic lies in the fact that the issue of state coercion in civil proceedings remains insufficiently developed in scientific research and should be studied in a broad sense. The paper analyzes the views of representatives of the doctrine and the provisions of the current legislation of the Russian Federation. Based on the results of the scientific work, the author concludes that state coercive measures in civil proceedings are means and instruments of coercive influence used to ensure the proper conduct of participants in the proceedings, regardless of their will, in order to ensure the proper course of consideration and resolution of the case. It is proposed to expand the list of coercive measures in civil procedural legislation.*

Keywords: *civil proceedings, civil procedure, state coercion, measures of procedural coercion, interim measures, preventive measures, judicial fines.*

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА, PR

БАКЛАНОВА Виктория Викторовна

студентка,

Новосибирский государственный университет экономики и управления,

Россия, г. Новосибирск

Научный руководитель – доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью

Новосибирского государственного университета экономики и управления,

кандидат экономических наук Теренина Наталья Леонидовна

МОДЕЛЬ ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ДЛЯ В2В-КОМПАНИИ ООО «НЕВАТОМ»

Аннотация. Цель статьи – разработать модель совершенствования интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК) промышленной В2В-компании на примере ООО «НЕВАТОМ». Методологическую основу составили системный и ситуационный подходы, анализ коммуникационных каналов и проблем компании, а также методы сегментирования целевой аудитории. В результате сформирована поэтапная модель, объединяющая ценностное предложение, каналы и контент, обработку обращений и оценку эффективности; определены направления ее опытного внедрения для монтажных организаций.

Ключевые слова: интегрированные маркетинговые коммуникации, В2В-маркетинг, промышленное предприятие, монтажные организации, клиентский путь, оценка эффективности.

Введение

В условиях В2В-рынка выбор поставщика определяется не только рекламными сообщениями, но и качеством технической консультации, скоростью расчета, полнотой документации, доступностью оборудования и сопровождением заказа. Поэтому интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК) промышленной компании должны объединять содержание сообщений, каналы взаимодействия, внутренние процессы и аналитику в единую систему, ориентированную на путь клиента.

Цель статьи – представить модель совершенствования ИМК ООО «НЕВАТОМ» с учетом выявленных коммуникационных перспективных направлений совершенствования и особенностей целевой аудитории (ЦА). В качестве приоритетного сегмента для опытного внедрения рассматриваются монтажные организации, для которых особенно значимы комплектность поставки, подбор оборудования,

техническая поддержка и снижение рисков задержки работ.

Объект и предмет исследования

Объект исследования – ИМК промышленной В2В-компании ООО «НЕВАТОМ».

Предмет исследования – методы, инструменты и организационные подходы к совершенствованию ИМК ООО «НЕВАТОМ» с учетом особенностей ЦА, каналов взаимодействия и оценки эффективности коммуникационной деятельности.

Результаты и их обсуждение

Анализ текущих коммуникаций позволяет выделить шесть ключевых перспективных направлений совершенствования. Во-первых, позиционирование преимущественно описывает возможности компании, но не всегда переводит их в конкретную выгоду для клиента. Во-вторых, сообщения для монтажных, проектных и строительных организаций недостаточно дифференцированы. В-третьих, скорость и удобство сайта могут снижать

результативность переходов из других каналов. В-четвертых, поисковая видимость неодинакова в приоритетных регионах. В-пятых, охват и посещаемость не гарантируют содержательного взаимодействия. В-шестых, повторение одинаковых публикаций на разных площадках не учитывает их разные функции (табл.).

Следовательно, развитие ИМК должно начинаться не с механического увеличения

числа каналов, а с уточнения ценностного предложения, устранения барьеров на клиентском пути и настройки сквозного измерения результатов. Количественные показатели посещаемости, приведенные в исходном материале, перед практическим использованием необходимо перепроверить за единый период и по единой методике.

Таблица

Связь перспективных направлений совершенствования и решений

Направление	Решение в модели
Позиционирование через характеристики	Сообщение по схеме «задача клиента – выгода – доказательство – действие».
Размытый таргетинг	Опытное внедрение для монтажных организаций с отдельными сценариями коммуникации.
Сложности сайта и поисковой видимости	Технический аудит, тематические и региональные страницы, SEO по задачам и продуктам.
Недостаточная вовлеченность	Кейсы, технические разборы, видео, инструменты подбора и четкие призывы к действию.
Дублирование контента	Контент-матрица: общий смысл при разных форматах и функциях каналов.

Принципы проектирования модели

Модель опирается на пять принципов. Первый – начинать с бизнес-задачи, а не с выбора канала. Второй – описывать продукт через пользу для клиента, подкрепляя ее проверяемыми доказательствами. Третий – сохранять единое смысловое ядро, адаптируя формат под сайт, письмо, видео, вебинар, выставку или коммерческое предложение. Четвертый – считать данные частью коммуникации: фиксировать источник обращения, историю контактов

и статус лида в CRM. Пятый – регулярно оценивать результаты и корректировать программу на основе данных.

В предлагаемой модели (рис.) интегрируются четыре взаимосвязанных элемента: ценностное предложение; каналы и контент; процессы обработки обращений; система измерения. Критерием интеграции становится непротиворечивый путь клиента от первого контакта до заказа и повторного обращения, а не только единый визуальный стиль.

Рис. Модель совершенствования интегрированных маркетинговых коммуникаций B2B-компании на примере ООО «НЕВАТОМ»

Ключевые этапы построения ИМК:

Определение модели и анализ рынка

На первом этапе фиксируются цель, приоритетная аудитория, ключевая проблема, перечень каналов, показатели, сроки опытного внедрения и ответственные. Далее анализ рынка используется для выявления возможностей дифференциации: оцениваются не только рекламные сообщения конкурентов, но и сервисные преимущества – наличие склада, скорость расчета, техническая документация, BIM-материалы, кейсы, вебинары и условия для монтажных организаций. Результатом

становится карта рыночных возможностей, а не формальный обзор конкурентов.

Анализ целевой аудитории

В B2B-покупке участвуют разные роли: руководитель монтажной компании оценивает сроки и маржинальность, снабжение – стоимость и комплектность, инженер – соответствие техническим требованиям, монтажный персонал – удобство установки. Для описания потребностей целесообразно объединить сегментирование, метод 5W Шеррингтона, аватар клиента и Job to Be Done в карту решений: задача клиента, триггер потребности, барьеры,

критерии выбора, необходимые доказательства и следующий шаг [2, с. 15-29; 3].

Внутри приоритетного сегмента следует различать как минимум три сценария: регулярная комплектация типовых объектов; сложный объект с нестандартным оборудованием; срочная дозакупка или замена. Для каждого сценария необходимы собственное сообщение, релевантный контент и ясное обещание по сервису.

Аудит действующих коммуникаций

Аудит должен определять, какую функцию выполняет каждый канал, насколько удобно клиенту перейти к следующему действию и какие данные сохраняются после контакта. В контур анализа включаются сайт, e-mail, сообщества и мессенджеры, видеоплощадки, отраслевые СМИ, социальные сети, геосервисы, выставки, конференции, вебинары и другие. Для каждого канала устанавливается основная роль: охват, формирование доверия, получение запроса или повторное взаимодействие.

Важно оценивать и переходы между каналами. Материал отраслевого СМИ должен вести на релевантную страницу с кейсом или расчетом, вебинар – завершаться предложением следующего шага, а контакты с выставки – фиксироваться в CRM с темой интереса и сроком обратной связи.

Выявление и приоритизация проблем

Следует разделять симптомы и причины. Низкая посещаемость может быть связана со слабой поисковой видимостью, недостатком экспертного контента или нерелевантными посадочными страницами; низкая конверсия – со сложной формой, неясным предложением, недостатком доверия или неопределенным сроком ответа. Для выбора первоочередных мер предлагается оценивать каждую проблему по трем параметрам: влияние на бизнес, срочность и управляемость.

Наиболее быстрый эффект ожидается от исправления сообщений, посадочных страниц, форм, аналитики, скорости сайта и регламента ответа на обращения. Каждая задача должна иметь ответственного, исходное значение показателя и целевой результат. Формулировку «усилить продвижение» необходимо заменять измеримой задачей, например повышением доли целевых обращений от монтажных организаций.

Разработка программы ИМК

Программа связывает проблему с конкретным действием, каналом, сообщением, сроком, ответственным и KPI. Для НЕВАТОМ целесообразна последовательность: сначала обеспечить измеримость и удобный клиентский путь, затем запустить сегментированный экспертный контент, после этого масштабировать лидогенерацию и мероприятия. Увеличение трафика до устранения потерь на сайте и при обработке заявок может повысить расходы без соответствующего роста результата.

Архитектура сообщений для монтажных организаций строится вокруг снижения организационной сложности и рисков комплектации объекта. Ключевые выгоды – подбор оборудования, комплектование спецификации, техническая поддержка, изготовление нестандартных изделий, согласование поставки и удобство повторных заказов. Доказательствами служат подтвержденные возможности производства и склада, инженерная экспертиза, документация, кейсы и фактические сроки. Призывы к действию должны быть конкретными: запросить расчет, проверить спецификацию, подобрать оборудование или обсудить нестандартное решение.

Оценка эффективности

Показатели необходимо определить до запуска. В логике АМЕС коммуникационные результаты оцениваются последовательно: выполненные активности и контакты (outputs), внимание и понимание аудитории (out-takes), изменения доверия, предпочтений и поведения (outcomes), вклад в коммерческий результат (impact) [1]. Для НЕВАТОМ следует сочетать коммуникационные и операционные метрики: качество целевых обращений, скорость ответа, переход в проект и заказ, стоимость привлечения и повторные обращения.

Показатели нельзя интерпретировать изолированно. Рост количества лидов не всегда означает улучшение экономики, а увеличение продаж нельзя полностью приписывать коммуникациям при одновременном изменении цен, складских запасов или рыночного спроса. Для каждого KPI фиксируются формула, источник данных, периодичность, ответственный, базовое значение и правила интерпретации.

Организация внедрения и повторная диагностика

Внедрение требует согласованной работы маркетинга, продаж, инженерной службы, IT и региональных подразделений. Рекомендуется назначить владельца программы ИМК, создать межфункциональную рабочую группу и установить ежемесячный цикл управления. Для передачи лидов и обратной связи задаются единые правила, сроки реакции (SLA), роли участников и обязательные поля CRM. Начинать лучше с ограниченного набора регионов, продуктовых категорий или групп монтажных организаций, чтобы оценить эффект и скорректировать процессы до масштабирования.

После каждого цикла проводится повторная диагностика по тем же критериям, что и до запуска: ясность позиционирования, качество и видимость трафика, вовлеченность, полнота данных, скорость ответа, конверсия в проект и заказ. Отдельно учитываются побочные эффекты – перегрузка инженерной службы, рост трудоемкости отчетности или чрезмерная частота контактов. По итогам принимается решение о масштабировании, корректировке или остановке отдельных практик.

Ожидаемый результат модели

Модель переводит ИМК из набора отдельных маркетинговых активностей в управляемый процесс. Для первого года приоритетны не максимальная автоматизация и расширение медиамикса, а устойчивые базовые практики: единая архитектура сообщений, сегментированные посадочные страницы, корректный учет обращений в CRM, регламент обработки лидов, экспертный контент для монтажных организаций и единая панель показателей. По мере накопления сопоставимых данных можно расширить персонализацию и автоматизацию.

Заключение

Предложенная модель совершенствования ИМК ООО «НЕВАТОМ» основана на связи коммуникационных решений с задачами клиента и бизнес-процессами компании. Ключевые направления изменений – усиление ценностного позиционирования, приоритетная работа с монтажными организациями, функциональное распределение каналов, устранение цифровых барьеров и сквозное измерение результатов. Практическое внедрение целесообразно проводить поэтапно: от стандартизации сообщений и данных к настройке клиентского пути, тестированию программы и ее масштабированию. Эффективность модели следует подтверждать сравнением показателей до и после внедрения по единой методике.

Литература

1. AMEC. Integrated Evaluation Framework [Электронный ресурс]. URL: <https://amecorg.com/amecframework/> (дата обращения: 08.10.2026).
2. Gilliland D.I., Johnston W.J. Toward a model of business-to-business marketing communications effects // *Industrial Marketing Management*. 1997. Vol. 26, No. 1. P. 15-29. DOI: 10.1016/S0019-8501(96)00032-0.
3. Schultz D.E., Tannenbaum S.I., Lauterborn R.F. *Integrated Marketing Communications*. Chicago: NTC Business Books, 1993. 218 p.
4. Шевченко Д.А. Интегрированные маркетинговые коммуникации: модель профессора Д.А. Шевченко // *Маркетинговые коммуникации*. 2019. № 3. С. 176-181. DOI: 10.36627/2619-1407-2019-3-176-181.
5. Шкурупская И.А., Литовченко И.Л. Исследование влияния поведения потребителей на формирование интегрированных маркетинговых коммуникаций // *п-Economy*. 2016. № 5 (251). DOI: 10.18721/PE.95509.

BAKLANOVA Viktoriya Viktorovna

Student, Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Marketing, Advertising
and Public Relations at Novosibirsk State University of Economics and Management,
PhD in Economics Terenina Natalia Leonidovna*

MODEL FOR DEVELOPING INTEGRATED MARKETING COMMUNICATIONS FOR THE B2B COMPANY LLC «NEVATOM»

Abstract. *The article aims to develop a model for improving integrated marketing communications (IMC) in an industrial B2B company, using LLC “NEVATOM” as a case study. The methodology combines systems and situational approaches with an analysis of communication channels, company challenges, and target audience segmentation. The result is a staged model integrating the value proposition, channels and content, lead-handling processes, and performance measurement, with recommendations for pilot implementation among installation companies.*

Keywords: *integrated marketing communications, B2B marketing, industrial company, installation companies, customer journey, performance measurement.*

ЛОГВИСЬ Дарья Васильевна
независимый исследователь, США, г. Майами

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОИЗВОДСТВА ВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА БРЕНДА: ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Цель статьи – определить, как генеративный искусственный интеллект (ИИ) меняет процесс производства визуального контента брендов и какие компетенции становятся ключевыми для креативных специалистов. Методологическую основу составляют анализ научных публикаций и отраслевых исследований, сравнительный анализ традиционной и генеративной моделей продакшна, а также кейс-анализ практики креативной студии, использующей нейросети в коммерческих проектах для брендов. Предложена шестиступенчатая модель производства визуального контента с применением генеративного ИИ и показано, что ценность в креативном процессе смещается от технического исполнения к арт-дирекшну, кураторскому отбору и контролю соответствия бренду. Результаты могут быть использованы брендами и агентствами при внедрении генеративных технологий в маркетинговые коммуникации.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, визуальный контент, брендинг, креативный процесс, арт-дирекшн, ИИ-продакшн, маркетинговые коммуникации.

Введение

Визуальный контент является одним из основных носителей идентичности бренда. Д. Аакер рассматривает идентичность бренда как систему ассоциаций, которые компания стремится создать и поддерживать в сознании потребителя [1]. Визуальные элементы – логотип, фирменная палитра, стиль изображений, характер героев – служат наиболее быстрым каналом передачи этих ассоциаций: изображение считывается раньше текста и запоминается устойчивее. Ж.-Н. Капферер подчёркивает, что сильный бренд сохраняет постоянство своих смыслов при изменении форм их выражения [4]. В цифровой среде это требование усложняется: бренду необходимо непрерывно производить большой объём изображений и видео для разных платформ и форматов, сохраняя при этом единство визуального языка.

Традиционная модель производства визуального контента – фотосъёмка, видеопродакшн, трёхмерная графика – требует значительных затрат времени и ресурсов: съёмочной группы, локаций, моделей, реквизита, постобработки. Каждая новая серия контента означает повторный запуск производственного цикла. Генеративные нейросети для создания изображений и видео, получившие массовое распространение в 2022-2023 гг., предлагают альтернативную модель, в которой визуальный

ряд создаётся на основе текстовых описаний (промптов) и референсных изображений.

По оценке McKinsey & Company, генеративный ИИ способен ежегодно добавлять мировой экономике от 2,6 до 4,4 трлн долл., причём маркетинг и продажи входят в число функций, на которые приходится наибольшая часть этого эффекта [8]. Экспериментальные исследования фиксируют и рост производительности труда: в работе Ш. Ноя и У. Чжан использование генеративной модели сократило время выполнения профессиональных письменных задач в среднем на 40% при росте оценки качества результата на 18% [9, с. 187]. Хотя эксперимент касался текстовых задач, он демонстрирует общий механизм: доля рутинной работы сокращается, а доля выработки идей и редактирования возрастает.

Вместе с тем ряд вопросов остаётся открытым. Как меняется структура креативного процесса при переходе к генеративному производству? Какие этапы сохраняют решающую роль человека? Какие риски возникают для бренда? Отечественные исследования фиксируют быстрое распространение нейросетей в маркетинговой и рекламной практике [2, с. 218-223; 3], однако организационная сторона производства визуального контента с помощью генеративного ИИ – распределение ролей, последовательность этапов, точки контроля качества –

описана недостаточно. Это определяет актуальность настоящей статьи.

Цель исследования – определить, как генеративный ИИ трансформирует процесс производства визуального контента бренда, и описать модель этого процесса с выделением ключевых компетенций участников.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает процесс производства визуального контента для брендов, предметом – изменения этого процесса под влиянием генеративного ИИ.

В работе использованы следующие методы: анализ научных публикаций и отраслевых отчётов, посвящённых применению генеративного ИИ в маркетинге и креативных индустриях; сравнительный анализ традиционной

и генеративной моделей продакшна; кейс-анализ практики креативной студии 2511 Studio (г. Майами, США), которая с 2024 г. производит с помощью нейросетей фэшн-фильмы, рекламные видеоролики и эдиториал-изображения для брендов в сегментах моды и лайфстайла. Автор участвует в проектах студии в роли креативного бренд-директора, что позволило применить метод включённого наблюдения и проанализировать процесс изнутри – от постановки задачи до сдачи материалов клиенту.

Результаты и их обсуждение
Сравнение моделей производства

Сопоставление традиционной и генеративной моделей производства визуального контента приведено ниже (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение традиционной и генеративной моделей производства визуального контента

Параметр	Традиционный продакшн	Продакшн с генеративным ИИ
Подготовительный этап	Кастинг, поиск локаций, аренда оборудования, подготовка реквизита	Разработка визуальной концепции, подбор референсов, составление промптов
Ключевые ресурсы	Съёмочная группа, модели, локации, техника	Креативный директор, нейросетевые инструменты, вычислительные мощности
Вариативность	Ограничена отснятым материалом	Большое число вариантов на этапе генерации
Итерации	Требуют пересъёмки или дорогостоящей постобработки	Выполняются повторной генерацией и доработкой
Основные ограничения	Бюджет, логистика, физическая реализуемость сцены	Стабильность персонажей и продукта, артефакты изображения, правовые вопросы
Ключевая компетенция	Техническое мастерство съёмки и постпродакшна	Арт-дирекшн, постановка задачи, кураторский отбор

Принципиальное различие моделей состоит в характере ограничений. В традиционной модели результат ограничен физическими ресурсами: бюджетом, доступностью локаций, погодой, возможностями реквизита. В генеративной модели эти факторы перестают определять стоимость сцены, благодаря чему становятся доступны сюрреалистичные и технически сложные решения, прежде требовавшие крупных бюджетов на компьютерную графику. Однако возникают ограничения иного рода: нестабильность результата, сложность

сохранения одинаковой внешности персонажа и продукта от кадра к кадру, артефакты в мелких деталях, а также правовая неопределённость. Иными словами, ограничивающим фактором становится уже не доступ к производственным ресурсам, а способность точно сформулировать задачу и отобрать результат.

Модель этапов производства

На основе кейс-анализа практики студии предложена модель производства визуального контента с применением генеративного ИИ, включающая шесть этапов (рис.).

Рис. Модель этапов производства визуального контента бренда с применением генеративного ИИ

Первый этап – бриф и бренд-платформа. Маркетинговая задача переводится в визуальную, фиксируются визуальные коды бренда: палитра, характер света, композиционные принципы, типаж героев, а также недопустимые элементы. В генеративном продакшне этот этап приобретает большее значение, чем в традиционном: нейросеть не обладает знанием о бренде и по умолчанию воспроизводит усреднённую эстетику обучающих данных. Без явно зафиксированных визуальных кодов результат рискует оказаться технически качественным, но обезличенным.

Второй этап – арт-дирекшн: разработка визуальной концепции, мудборда, подбор референсов, для видео – сценарий и раскадровка. На этом этапе определяется, что именно должно быть создано, и формируется критерий, по которому затем будет оцениваться результат.

Третий этап – промпт-инжиниринг и генерация. Визуальный замысел переводится на язык конкретных инструментов: разные модели требуют различной структуры описаний и по-разному реагируют на референсы. Генерируются серии вариантов изображений и видеофрагментов.

Четвёртый этап – кураторский отбор и итерации. Варианты оцениваются по соответствию замыслу и визуальным кодам бренда, удачные доводятся до нужного результата. Третий и четвёртый этапы образуют цикл,

который повторяется до получения приемлемого материала. Именно в этом цикле, по наблюдениям автора, сосредоточена основная часть трудозатрат: число отклонённых вариантов многократно превышает число отобранных.

Пятый этап – постпродакшн: монтаж, цветокоррекция, звуковое оформление, графика, исправление артефактов. Этот этап сближает генеративный продакшн с традиционным и требует участия профильных специалистов.

Шестой этап – контроль соответствия бренду и правовым нормам. Проверяются корректность изображения продукта, отсутствие артефактов, отсутствие сходства с объектами чужой интеллектуальной собственности и с реальными людьми, необходимость маркировки контента.

Предложенная модель согласуется с выводами Д. Гревала и соавторов, согласно которым эффективность генеративного ИИ в маркетинге определяется соотношением качества входных данных и степени участия человека в доработке результата [6, с. 702]. В визуальном продакшне качество входных данных обеспечивается первыми двумя этапами, а участие человека – четвёртым, пятым и шестым.

Трансформация ролей

Переход к генеративному производству меняет распределение функций между участниками процесса (табл. 2).

Таблица 2

Распределение функций в традиционной и генеративной моделях

Функция	Традиционная модель	Генеративная модель
Создание визуальной концепции	Креативный директор, арт-директор	Креативный директор
Постановка задачи исполнителю	Бриф для съёмочной группы	Промпты и референсы для нейросетевых моделей
Создание изображения	Фотограф, оператор, 3D-художник	Нейросетевые модели под управлением специалиста
Контроль качества	Режиссёр и фотограф на съёмочной площадке	Креативный директор на этапе отбора
Постобработка	Ретушёр, монтажёр, колорист	Монтажёр, колорист, специалист по исправлению артефактов

Из таблицы видно, что функции концепции, постановки задачи и контроля качества сосредотачиваются у одного специалиста. В практике формируется роль, которую можно обозначить как «ИИ-режиссёр»: она объединяет компетенции креативного директора, определяющего замысел и визуальный язык, и промпт-инженера, переводящего этот замысел в инструкции для моделей. Это подтверждает тезис З. Эпштейна и соавторов о том, что генеративный ИИ не устраняет творческий труд, а меняет его характер: ценность смещается к замыслу, выбору и кураторству [5, с. 1110]. М.-Х. Хуанг и Р. Раст выделяют механический, «мыслящий» и «чувствующий» уровни применения ИИ в маркетинге и показывают, что по мере автоматизации механических задач возрастает значение задач, требующих суждения и эмпатии [7, с. 30-50]. Применительно к визуальному контенту механическую часть – создание изображения – всё больше берут на себя модели, тогда как понимание бренда, аудитории и культурного контекста остаётся за человеком.

Риски для бренда

Анализ позволил выделить три группы рисков. Первая – стилистическая усреднённость: без сильного арт-дирекшна контент становится узнаваемо «нейросетевым» и теряет оригинальность, что противоречит главной задаче брендинга – дифференциации [4]. Вторая – правовые риски, связанные с неопределённым статусом прав на сгенерированные изображения, использованием образов людей и возможным сходством с охраняемыми объектами; на значимость этих вопросов для рекламной отрасли указывают и отечественные авторы [3]. Третья – риски доверия: нераскрытое использование ИИ, особенно при изображении людей и самого продукта, может

восприниматься аудиторией как введение в заблуждение.

На основании проведённого анализа можно сформулировать практические рекомендации для брендов и агентств: фиксировать визуальные коды бренда в форме, пригодной для генерации (библиотеки референсов, описания стиля, перечни недопустимых решений); закладывать в сроки и бюджет проекта этапы отбора и постпродакшна, а не только генерацию; сохранять за человеком функции замысла и финального решения; включать правовую проверку в стандартный процесс.

Заключение

Проведённое исследование показало, что генеративный ИИ меняет не только стоимость и скорость производства визуального контента, но прежде всего его структуру. Ограничивающим фактором перестают быть физические производственные ресурсы, и на первый план выходят постановка задачи, арт-дирекшн и кураторский отбор.

Предложенная шестиступенчатая модель производства визуального контента с применением генеративного ИИ выделяет цикл «генерация – отбор» как центральное звено процесса и показывает, что этапы, предшествующие генерации и следующие за ней, сохраняют решающую роль человека. Формируется новая профессиональная роль – «ИИ-режиссёр», объединяющая компетенции креативного директора и промпт-инженера.

Поскольку генеративные инструменты общедоступны, конкурентное преимущество бренда определяется не доступом к ним, а качеством арт-дирекшна и способностью сохранять собственную визуальную идентичность. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются количественная оценка экономической эффективности

генеративного продакшна и изучение восприятия потребителями визуального контента, созданного с помощью ИИ.

Литература

1. Аакер Д. Создание сильных брендов. М.: Издательский дом Гребенникова, 2008. 440 с.
2. Денисова Е.В., Петрова Г.В. Нейросети в маркетинге: использование искусственного интеллекта для повышения эффективности деятельности компаний // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12-2. С. 218-223.
3. Евстафьев В.А., Тюков М.А. Искусственный интеллект и нейросети: практика применения в рекламе. М.: Дашков и К°, 2023. 426 с.
4. Капферер Ж.-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда. М.: Вершина, 2007.
5. Epstein Z., Hertzmann A., Akten M. et al. Art and the science of generative AI // Science. 2023. Vol. 380, No. 6650. P. 1110-1111.
6. Grewal D., Saturnino C.B., Davenport T., Guha A. How generative AI is shaping the future of marketing // Journal of the Academy of Marketing Science. 2025. Vol. 53, No. 3. P. 702-722.
7. Huang M.-H., Rust R.T. A strategic framework for artificial intelligence in marketing // Journal of the Academy of Marketing Science. 2021. Vol. 49, No. 1. P. 30-50.
8. McKinsey & Company. The economic potential of generative AI: The next productivity frontier. 2023. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/the-economic-potential-of-generative-ai-the-next-productivity-frontier> (дата обращения: 01.10.2026).
9. Noy S., Zhang W. Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence // Science. 2023. Vol. 381, No. 6654. P. 187-192.

LOGVIS Daria Vasilyevna

Independent Researcher, USA, Miami

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR PRODUCING BRAND VISUAL CONTENT: TRANSFORMATION OF THE CREATIVE PROCESS

Abstract. The article aims to determine how generative artificial intelligence (AI) is changing the production of brand visual content and which competencies are becoming key for creative professionals. The methodology combines an analysis of academic publications and industry research, a comparative analysis of traditional and generative production models, and a case analysis of a creative studio that uses neural networks in commercial projects for brands. A six-stage model of visual content production with generative AI is proposed, and it is shown that value in the creative process is shifting from technical execution to art direction, curatorial selection and brand consistency control. The results can be applied by brands and agencies introducing generative technologies into marketing communications.

Keywords: generative artificial intelligence, visual content, branding, creative process, art direction, AI production, marketing communications.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ЛАБУРДОВА Дарья Богдановна

студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, г. Москва

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОБЪЕМОВ ТОВАРООБОРОТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье исследуется динамика взаимного товарооборота России и КНР за 2021–2026 гг. и рассматриваются подходы к его прогнозированию в условиях структурной трансформации внешней торговли РФ. На основе данных Главного таможенного управления КНР, ФТС России и Банка России предложена сценарная модель прогноза на 2027–2028 гг., учитывающая ценовой фактор энергоресурсов, насыщение импорта потребительских товаров, ускорение агроэкспорта и электронную торговлю.

Ключевые слова: товарооборот, Россия, Китай, внешняя торговля, прогнозирование, сценарный анализ, экспорт, импорт, санкции, энергетические ресурсы.

Российско-китайская торговля за четверть века выросла более чем в 30 раз, и с 2023 г. КНР устойчиво занимает первое место среди торговых партнёров России – на неё приходится около трети всего товарооборота РФ. Достижение в 2024 г. рекордного уровня в 244,8 млрд долл. и последующая коррекция 2025 г. ставят перед исследователями вопрос о

достоверной оценке перспектив двусторонней торговли: экстраполяция рекордных показателей 2021–2024 гг. оказалась несостоятельной, а формальный тренд 2025 г. – противоречит фактической динамике 2026 г.

Данные Главного таможенного управления (ГТУ) КНР отражают четыре фазы развития взаимной торговли (табл. 1).

Таблица 1

Товарооборот РФ–КНР по данным ГТУ КНР, млрд долл.
(составлено автором по данным ГТУ КНР)

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025	8 мес. 2026
Товарооборот, млрд долл.	146,9	190,3	240,1	244,8	228,1	185,0
Темп прироста, %	-	+29,3	+26,3	+1,9	-6,9	+28,4
Экспорт РФ в КНР, млрд долл.	-	-	129,3	129,3	124,8	-
Импорт РФ из КНР, млрд долл.	-	-	110,8	115,5	103,3	-

В 2022–2023 гг. произошёл масштабный «импортозамещающий» сдвиг: рост товарооборота на 26,3% в 2023 г. был обеспечен прежде всего Chinese поставками машин, оборудования и автомобилей (экспорт КНР в РФ вырос на 53,9%) на фоне ухода западных брендов с российского рынка. В 2024 г. рост фактически прекратился (+1,9%): импорт России из КНР снизился на 0,8%, а давление вторичных санкций проявилось с марта 2024 г.

В 2025 г. товарооборот сократился на 6,9% – до 228,1 млрд долл., при этом экспорт РФ в КНР снизился на 3,9% (124,8 млрд), импорт – на

10,4% (103,3 млрд); положительное сальдо России выросло на 55,4%, до 21,5 млрд долл.

Важно отметить методологический аспект, российская и китайская статистика расходятся – по данным, озвучиваемым российскими официальными лицами, товарооборот 2025 г. составил около 240 млрд долл., тогда как ГТУ КНР фиксирует 228,1 млрд; расхождение связано с различиями в учёте параллельного импорта, страхования и транспортных издержек.

С начала 2026 г. динамика кардинально вернулась: за первое полугодие товарооборот

вырос на 25,6% – до 134,2 млрд долл. (экспорт РФ +23,3%, импорт +28,4%), за восемь месяцев – на 28,4%, до 185,0 млрд долл.

Посол КНР Чжан Ханьхуэй допустил установление в 2026 г. нового исторического максимума, аналогичный прогноз озвучил и Президент РФ.

Анализ товарной структуры выявляет несколько компенсирующих друг друга процессов.

Энергетический контур – главный фактор волатильности. Поставки нефти, угля, нефтепродуктов и газа дают свыше 60% российского экспорта в КНР; в 2025 г. их стоимость сократилась на 17% – до 78,7 млрд долл. (6,6 млрд долл. в месяц против ~8 млрд в 2024 г.), что обусловлено преимущественно ценовой конъюнктурой, а не физическими объёмами. Соответственно, коррекция 2025 г. в значительной степени является ценовой, а не количественной – это принципиально важно для корректного прогнозирования.

Импортная «отложенная коррекция». Спад импорта из КНР на 10,4% в 2025 г. связан прежде всего с исчерпанием эффекта массового обновления автопарка: поставки автомобилей и комплектующих упали на 49% (с 25,5 до 13,1 млрд долл.) после рекордного 2024 г. При этом поставки промышленного оборудования сохранили устойчивость (26,5 млрд долл., –3%), а посылки из китайских интернет-магазинов выросли почти вдвое – до 4 млрд долл., становясь новым динамичным сегментом торговли.

Диверсификация экспорта. В 2025 г. существенно выросли поставки руд и металлов (медь, алюминий – более чем в 1,5 раза) и особенно золота (3,8 млрд долл. в IV квартале против 1,2 млрд за весь 2024 г.). Агропродовольственный экспорт движется против общего

тренда: +14% в 2025 г. (свыше 7 млрд долл.) и +42–44% за полугодие 2026 г.; Россия занимает 23% китайского импорта рыбы и морепродуктов и 26,7% – растительных масел.

Доля Китая во внешней торговле РФ оставалась стабильной: 31% в экспорте и 39% в импорте по итогам 2024 г., что подчёркивает не восстановительный, а структурно закреплённый характер российско-китайской торговли.

Для прогнозирования объёмов товарооборота применён двухуровневый подход.

Первый уровень – формально-статистический. Линейный тренд по ряду 2021–2025 гг. (среднегодовой абсолютный прирост 21,7 млрд долл.; CAGR 11,6%) даёт для 2026 г. оценку 275 млрд долл. Однако такой метод игнорирует структурный перелом 2025 г., поэтому используется как верхняя граница «механической» экстраполяции.

Второй уровень – сценарный, опирающийся на покомпонентную декомпозицию: прогноз энергетического экспорта увязывается с ценовой конъюнктурой сырьевых рынков, импортного – с фазой инвестиционного цикла (оборудование) и насыщением потребительского спроса (автомобили, электроника), агроэкспорта – с протоколами фитосанитарных допусков (23 категории за шесть лет). Базовые параметры сценарной модели:

- по данным восьми месяцев 2026 г. (185,0 млрд долл., +28,4%) и его доли в годовом объёме (~63%), при нулевом росте оставшихся четырёх месяцев товарооборот 2026 г. составит не менее 269 млрд долл.;
- умеренное замедление темпов во II полугодии до +5–15% формирует базовый диапазон 275–285 млрд долл.

Таблица 2

**Сценарный прогноз товарооборота РФ–КНР, млрд долл.
(оценка автора; базовые расчёты на данных ГТУ КНР)**

Сценарий	Условия	2027	2028	Сценарий
Пессимистичный	Ослабление цен энергоресурсов, ужесточение вторичных санкций, торможение потребимпорта	272–278	275–285	Пессимистичный
Базовый	Сохранение +5–15% в IV кв. 2026; далее рост +4–6% в год	286–300	297–315	Базовый
Оптимистичный	Устойчиво высокие цены на энергоносители, прогресс по «Силе Сибири – 2», ускорение агроэкспорта и e-commerce	305–320	325–340	Оптимистичный

Практически все сценарии предполагают превышение рекорда 2024 г. (244,8 млрд долл.) уже по итогам 2026 г., что согласуется с официальными прогнозами сторон и оценкой Б. Титова («сильно превысим 200 млрд долл.»). Опе-режающему сценарию соответствует и оценка Торгового представительства РФ в КНР о возможном приросте товарооборота на 30 млрд долл. в горизонте двух лет.

Необходимо учитывать риски и ограничения прогноза:

1. **Ценовой риск.** Поскольку энергетическая группа формирует 60% экспорта РФ, колебание цен на нефть на ± 10 долл./барр. смещает годовой товарооборот на 15–20 млрд долл. – это доминирующий источник дисперсии прогноза.

2. **Структурная асимметрия.** Ориентация российского экспорта на сырьё (включая растущую долю золота) при импорте машин и оборудования воспроизводит модель, уязвимую к технологическим и ценовым шокам; в ком-мюнике ноября 2025 г. стороны заявили о намерении оптимизировать структуру торговли через электронную коммерцию, агросектор и первичную переработку.

3. **Методологическая неопределённость.** Расхождение данных ФТС/Банка России и ГТУ КНР (порядка 10–12 млрд долл. в год) требует при прогнозировании указания исходной базы и может занижать либо завышать фактический результат.

4. **Импортный потолок.** Постсанкционное замещение western-технологий в основном завершено; дальнейший рост импорта ограничен платёжеспособным спросом и политикой локализации, что уже проявилось в падении автопоставок на 49%.

Проведённый анализ показывает, что российско-китайская торговля перешла от фазы импортозамещающего бума (2022–2023 гг.) через ценовую коррекцию (2025 г.) к новому восстановительному циклу (2026 г.). Сценарный прогноз автора предполагает достижение в 2027 г. нового исторического максимума в диапазоне 275–285 млрд долл. (базовый сценарий) с ростом к 2028 г. до 300–315 млрд долл. Основными направлениями повышения устойчивости торговли являются диверсификация российского несырьевого экспорта

(агропродукция, металлы, электронная коммерция) и снижение ценовой зависимости энергетического контура. Точность прогноза будет определяться прежде всего конъюнктурой сырьевых рынков, что обуславливает необходимость регулярной рекалибровки модели по мере публикации квартальных данных таможенных служб двух стран.

Литература

1. Основные тенденции развития российско-китайских торговых связей в 2024–2025 гг. // РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics>.
2. Объем торговли Китая и России в 2025 году сократился на 6,9% // ТАСС. – 14.01.2026. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/26141131>.
3. Товарооборот России и Китая по итогам 2025 года сократился на 7% до 228 млрд долларов // InfraNews. – 20.01.2026.
4. О российско-китайской торговле в 2025 году // Посольство РФ в КНР. – URL: <https://beijing.mid.ru>.
5. Доля Китая в экспорте РФ составила в 2024 году 31%, в импорте – 39% // Коммерсантъ. – 28.01.2025. – № 12.
6. Таможня раскрыла топ-10 торговых партнеров России // РБК. – 02.01.2025.
7. Российско-китайский товарооборот за I полугодие-2026 вырос на 25,6% – до \$134,2 млрд // PortNews. – 14.07.2026.
8. Титов оценил товарооборот между Россией и Китаем в 2026 году // РИА Новости. – 10.09.2026.
9. Посол КНР в России указал на потенциальный рекорд товарооборота в 2026 году // Известия. – 17.08.2026.
10. Экспорт России в Китай 2026 – товары, цифры, тренды // Export-Pro. – 02.09.2026.
11. Изменения в экспорте и импорте РФ в 2025 году: влияние санкций на международную торговлю // Группа «Деловой профиль». – 25.06.2025.
12. Всемирный банк. Commodity Markets Outlook. – Washington, 2025.
13. IMF. World Economic Outlook. – Washington: IMF, 2025.
14. Статистика внешней торговли КНР // Главное таможенное управление КНР. – URL: <http://stats.customs.gov.cn/>.

LABURDOVA Darya Bogdanovna

Student, National Research University "Higher School of Economics", Russia, Moscow

FORECASTING THE VOLUME OF TRADE BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Abstract. *The article examines the dynamics of mutual trade turnover between Russia and China in 2021-2026 and examines approaches to forecasting it in the context of the structural transformation of Russia's foreign trade. Based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China, the Federal Customs Service of Russia and the Bank of Russia, a scenario forecast model for 2027-2028 is proposed, taking into account the price factor of energy resources, saturation of imports of consumer goods, acceleration of agricultural exports and electronic commerce.*

Keywords: *trade turnover, Russia, China, foreign trade, forecasting, scenario analysis, export, import, sanctions, energy resources.*

ШАРАПОВА Елена Анатольевна

доцент кафедры цифровой и отраслевой экономики,
Воронежский государственный технический университет, Россия, г. Воронеж

ФЕДОРИЩЕВ Михаил Юрьевич

магистрант, Воронежский государственный технический университет, Россия, г. Воронеж

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы функционирования коммерческих банков России в условиях трансформации финансовой системы.

Ключевые слова: коммерческие банки, кредитный риск, банковское регулирование, кибербезопасность, конкуренция, цифровизация, импортозамещение, финансовая стабильность.

Пережив кризис 2022 года, отечественный банковский сектор к 2025–2026 годам вышел на новый этап испытаний, качественно отличающийся от предыдущего. Ограничительные меры западных стран перестали оказывать сильное влияние на банковский сектор, уступив место внутренним факторам уязвимости: накоплению долгов, падению рентабельности в ряде сегментов, нарастающей волне кибератак и прочее.

Цель данной статьи – проанализировать и систематизировать актуальные проблемы коммерческих банков России и дать оценку вероятным последствиям на ближайшую перспективу.

Среди актуальных проблем коммерческих банков в Российской Федерации целесообразно выделить следующие:

1. Ухудшение качества кредитных портфелей (как центральная проблема)

Согласно сведениям Банка России, в сегменте необеспеченного потребительского кредитования доля просрочки по результатам девяти месяцев 2025 года составила 12,9% портфеля, что на 3,8 процентных пункта превышает показатель начала года. Совокупный прирост проблемной задолженности граждан за 2025 год достиг 262,5 млрд рублей, а её общий объём – 1,44 трлн рублей; удельный вес просрочки в общей задолженности зафиксирован на уровне 9,5% [2, 6].

Существенно, что ухудшение носит не конъюнктурный, а структурный характер. Заместитель председателя Банка России Ольга Полякова констатирует: «вызрели риски по

розничным кредитам», оформленным в 2023–2024 годах, включая ссуды, выданные заёмщикам без кредитной истории, чью платёжеспособность оценить сложнее. По данным Сбербанка удельный вес обесцененных кредитов в его портфеле увеличился с 4,8% до 5,5% в период между первым и вторым кварталами 2026 года.

Во II квартале 2026 года почти каждая четвёртая кредитная организация оказалась убыточной [2, 6].

2. Регуляторное давление и неопределённость правил

Данная группа проблем исходит из ужесточения требований при сохранении их адаптивного характера. Банк России, с одной стороны, вынужден отходить от рекомендаций Базельского комитета, подстраиваясь под условия санкций, а с другой – укрепить капитальную базу кредитных организаций.

Центральное место среди регуляторных новшеств занимает введение риск-чувствительного лимита (РЧЛ) на вложения банков в имобилизованные активы, в том числе в экосистемные проекты. Начиная с октября 2026 года кредитные организации обязаны будут удерживаться в рамках данного лимита, охватывающего активы совокупной стоимостью порядка 4 трлн рублей, что превышает 20% капитала сектора. Эта мера призвана сдерживать непрофильные инвестиции, однако она оборачивается дополнительными ограничениями для крупнейших банков, которые в предшествующие годы активно формировали экосистемы [1, 8].

Ещё одним источником проблем выступает внедрение цифрового рубля. Представители банковского сообщества опасаются, что новая форма национальной валюты «каннибализирует» часть традиционного банковского бизнеса, урежет комиссионные поступления от эквайринга и создаст дополнительную нагрузку на ликвидность [5].

3. Кибербезопасность: рост угроз в условиях импортозамещения

Согласно данным «Лаборатории Касперского», количество кибератак на финансовые учреждения в 2025 году увеличилось на 43% относительно 2024 года, а число атак с применением банковских троянцев возросло четырёхкратно. Financial CERT зафиксировал 296 DDoS-атак на финансовые организации в течение 2025 года.

Количество уязвимостей в российских финансовых приложениях приблизилось к критической отметке: за 2025 год обнаружено свыше 2000 уязвимостей высокого и критического уровней. Отдельную озабоченность вызывает диспропорция в степени защищённости крупных и малых банков. Как указывает ведущий бизнес-архитектор ГК «Рексофт» Мария Мееревич, «отрасль одна из самых защищённых, но внутри неё существует значительный разрыв в уровне безопасности между крупными банками и менее защищёнными организациями». В результате вектор атак смещается в сторону небольших кредитных организаций, где издержки взлома ниже, а финансовые потоки остаются значительными [3].

4. Конкурентная динамика: крупные игроки, финтехи и маркетплейсы

Эта группа проблем сопряжена с переформатированием конкурентной среды. Процесс концентрации активов на топ-10 банков не останавливается: к концу 2026 года их доля способна достичь 81,5%. Параллельно на рынке укрепляются финтехи – банки, учреждённые торговыми платформами (Ozon Банк, Яндекс Банк, Вайлдберриз Банк), чья доля за период с 2022 года по I квартал 2025 года выросла с 0,01% до 0,4% [7].

Между крупнейшими банками и маркетплейсами развернулось противостояние: стороны обмениваются обращениями в адрес властных структур с призывами ограничить практики конкурентов.

Для небольших банков конкурентное давление осложняется проблемой операционной эффективности. Малые банки «не всегда могут

снижать ставки по вкладам вслед за процентами по кредитам без риска потерять часть клиентской базы» [7].

5. Технологическая адаптация и дефицит кадров

Российский финансовый сектор достиг такой степени цифровой зрелости, что базовая цифровизация перестала быть конкурентным преимуществом: по уровню проникновения мобильного банкинга, объёмам транзакций в Системе быстрых платежей и доле безналичных расчётов Россия занимает передовые позиции.

Тем не менее новые задачи – полный переход на отечественное ПО к 2030 году, интеграция цифрового рубля, обеспечение технологического суверенитета – предполагают колоссальные вложения и переподготовку тысяч специалистов. Если крупнейшие банки фактически завершили импортозамещение (уровень замещения доходит до 90%), то многие небольшие финансовые организации «в прямом смысле слова делают первые шаги».

Кадровый вопрос приобретает всё большую остроту. С января по ноябрь 2025 года было размещено свыше 270 тысяч вакансий в банковской сфере – на 38% больше, чем пять лет назад. Наиболее заметно вырос спрос на финансовых аналитиков (втрое по сравнению с 2020 годом). В качестве основных проблем можно выделить старение персонала и нехватка современных цифровых компетенций [4].

Таким образом, актуальные проблемы российских коммерческих банков имеют системную природу. Увеличение просроченной задолженности сужает возможности кредитования; регуляторные новации, нацеленные на укрепление устойчивости, одновременно порождают дополнительные издержки; киберугрозы диктуют необходимость наращивать вложения в безопасность на фоне импортозамещения; конкурентное давление со стороны финтехов и маркетплейсов размывает традиционные бизнес-модели; дефицит кадров затрудняет технологическую модернизацию.

Способность банков одновременно управлять кредитными рисками, адаптироваться к новому регулированию, обеспечивать кибербезопасность и сохранять конкурентоспособность определит, какие игроки останутся на рынке в среднесрочной перспективе. Наиболее уязвимыми представляются небольшие и средние банки, не обладающие достаточными ресурсами для параллельного решения всех этих

задач, что делает дальнейшую консолидацию сектора практически неизбежной.

Литература

1. Банковский вектор: каждая четвёртая кредитная организация в РФ стала убыточной // Национальное рейтинговое агентство: [сайт]. – 2026. – 8 сентября. – URL: <https://www.ra-national.ru/nra-v-smi/bankovskij-vektor-kazhdaya-chetvertaya-kreditnaya-organizatsiya-v-rf-stala-ubytochnoj/> (дата обращения: 02.10.2026).

2. В 2025 году доля бесперспективных к взысканию банковских долгов составила 31% // Finmarket: [сайт]. – 2026. – 2 марта. – URL: <https://www.finmarket.ru/main/article/6570524> (дата обращения: 01.10.2026).

3. В 2025 году число кибератак на финансовые учреждения выросло на 43% // Kaspersky: [сайт]. – 2026. – 18 февраля. – URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/v-2025-godu-chislo-kiberatak-na-finansovye-uchrezhdeniya-vyroslo-na-43> (дата обращения: 03.10.2026).

4. В банках вырос спрос на кадры: вакансий за пять лет стало больше на 38% // Коммерсантъ: [сайт]. – 2025. – 3 декабря. – URL:

<https://www.kommersant.ru/doc/8250349> (дата обращения: 09.10.2026).

5. Как зарабатывать на технологиях цифрового рубля, банкиры пока не придумали // Frank RG: [сайт]. – 2025. – 7 ноября. – URL: <https://frankrg.com/news/kak-zarabatyvat-na-tehnologiyah-tsifrovogo-rublya-bankiry-poka-ne-pridumali?ysclid=mv19jfw29q929971585> (дата обращения: 06.10.2026).

6. Просроченная задолженность населения перед банками за январь увеличилась на 17,4 млрд рублей // Plusworld: [сайт]. – 2026. – 26 марта.

7. Совет Ассоциации обсудил вопросы конкурентоспособности малых банков // Ассоциация банков России: [сайт]. – 2025. – URL: <https://asros.ru/news/asros/sovet-assotsiatsii-obsudil-voprosy-konkurentosposobnosti-malykh-bankov/?ysclid=mv0xkgjyn5931279706> (дата обращения: 01.10.2026).

8. ЦБ раскрыл, как ограничит амбиции банков по строительству экосистем // РБК: [сайт]. – 2025. – 27 мая. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/27/05/2025/68348b949a7947f9a274ecf7> (дата обращения: 04.10.2026).

SHARAPOVA Elena Anatolyevna

Associate Professor of the Department of Digital and Industrial Economics,
Voronezh State Technical University, Russia, Voronezh

FEDORISHCHEV Mikhail Yuryevich

Master's Student, Voronezh State Technical University, Russia, Voronezh

CURRENT ISSUES FACING COMMERCIAL BANKS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article examines the key problems affecting the operation of commercial banks in Russia in the context of the transformation of the financial system.*

Keywords: *commercial banks, credit risk, banking regulation, cybersecurity, competition, digitalization, import substitution, financial stability.*

ПЕДАГОГИКА

ЖАРИКОВ Дмитрий Васильевич

магистрант, Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва

ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ, ИСПАНИИ, ЭСТОНИИ И ФИНЛЯНДИИ (КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье проводится компаративный анализ опыта внедрения и использования цифровых образовательных технологий в процессе преподавания грамматического аспекта английского языка в России, Испании, Эстонии и Финляндии. Рассматриваются понятие и виды цифровых образовательных технологий, их применение в обучении грамматике, достоинства и особенности использования, а также конкретные примеры инструментов («Genially», «Eduplay», «Quizizz», «Edpuzzle», «Nearpod», цифровые учебники, игровые платформы и др.), сценарии их применения на уроках и восприятие учащимися. На основе анализа выявляются наиболее перспективные практики, способные обогатить отечественную лингводидактику.

Ключевые слова: цифровые образовательные технологии, грамматика английского языка, компаративный анализ, геймификация, лингводидактика, Россия, Испания, Эстония, Финляндия.

Современное иноязычное образование характеризуется активным внедрением цифровых инструментов в учебный процесс. Грамматический аспект английского языка, требующий системной отработки структур и формирования устойчивых навыков их употребления, становится одной из ключевых сфер, в которых цифровые образовательные технологии демонстрируют высокий дидактический потенциал. Сопоставление практик разных стран позволяет выявить общие тенденции и специфические решения, применимые в отечественной лингводидактике.

Актуальность данной статьи обусловлена высоким темпом цифровизации образования и, как следствие, необходимостью внедрения новых цифровых образовательных технологий в процесс преподавания разных дисциплин, включая иностранные языки. Грамматический аспект иностранного языка, как самый сложный и многогранный в контексте преподавания и обучения, представляет особый интерес для внедрения цифровых образовательных технологий. Проведенный компаративный анализ также позволит выявить наиболее актуальные и эффективные цифровые образовательные

технологии, которые смогли бы обогатить отечественную лингводидактику.

Цель данной статьи заключается в анализе и систематизации опыта внедрения и использования цифровых образовательных технологий в процессе преподавания грамматического аспекта английского языка в школах стран, в которых английский язык считается иностранным: России, Испании, Эстонии и Финляндии. Помимо этого, целью данного компаративного анализа может служить выявление наиболее современных и продуктивных цифровых образовательных технологий для развития и усиления отечественной лингводидактики [5, с. 1]. Компаративный подход в лингводидактике позволяет сопоставлять национальные системы иноязычного образования, выявлять общие закономерности и специфические особенности применения цифровых инструментов, что делает процесс обучения более осознанным и адресным [5, с. 3].

Цифровые образовательные технологии представляют собой способ организации современной образовательной среды, основанный на цифровых технологиях. Они поддерживают ключевые компоненты процесса обучения:

активное участие обучающихся, работу в группах, взаимодействие и обратную связь [1, с. 93]. Цифровые образовательные ресурсы (ЦОР) рассматриваются как содержательно обособленные информационные объекты, созданные для образовательных целей и обеспечивающие возможность самостоятельной и научно-исследовательской деятельности. Они гармонично накладываются на традиционное обучение и способствуют повышению качества знаний, развитию творческих способностей обучающихся, делают обучение более интересным и увлекательным [4, с. 127].

К основным видам цифровых образовательных технологий относятся:

- мультимедийные ресурсы и интерактивные платформы;
- системы управления обучением (LMS), такие как «Moodle» с элементами H5P;
- геймифицированные инструменты («Quizizz», «Educaplay»);
- цифровые учебники и электронные образовательные среды;
- инструменты создания интерактивного контента («Genially», «Nearpod», «Edpuzzle»);
- технологии смешанного обучения, сочетающие очное взаимодействие и онлайн-компоненты [1, с. 94; 7, с. 61].

Грамматика английского языка требует многократного предъявления структур в контексте, отработки и обратной связи. Цифровые технологии позволяют представить грамматический материал в интерактивной, визуально насыщенной и эмоционально значимой форме, что способствует лучшему запоминанию [1, с. 95].

Типичные сценарии применения включают:

- создание интерактивных презентаций и викторин по временам, условным предложениям, пассивному залогу;
- работу с видеоресурсами, в которых грамматические структуры выделены и сопровождаются заданиями;
- выполнение упражнений с мгновенной обратной связью;
- совместное создание грамматических карт и схем.

Такие подходы позволяют перейти от механического заучивания к осознанному использованию структур в коммуникативных ситуациях.

К достоинствам относятся повышение мотивации и вовлечённости обучающихся, возможность индивидуализации темпа работы, обеспечение мгновенной обратной связи,

визуализация абстрактных грамматических явлений, развитие цифровой компетентности и создание условий для смешанного обучения [1, с. 95; 4, с. 128; 11, с. 23]. Цифровые ресурсы делают работу с грамматикой более динамичной и приближенной к реальным коммуникативным задачам.

В российской практике цифровые технологии активно применяются на всех этапах работы с грамматикой. Используются интерактивные доски, компьютерные классы, мобильные устройства, системы смешанного обучения и информационно-коммуникационные предметные среды [1, с. 96].

Конкретные инструменты включают:

- встроенные средства проверки орфографии и грамматики в текстовых редакторах;
- ресурсы для сопоставления языковых вариантов (например, Google-инструменты);
- платформы для создания интерактивных заданий и видео с грамматическими заданиями (элементы H5P в «Moodle») [7, с. 62].

Сценарии использования инструментов на уроках английского языка: введение грамматической структуры через интерактивную презентацию, отработка в формате цифровых упражнений с мгновенной проверкой, закрепление в мини-проектах с использованием цифровых ресурсов. Обучающиеся отмечают повышение интереса к изучению грамматики и удобство самостоятельной работы [4, с. 129; 9, с. 20].

В Испании, в частности в контексте английского для специальных целей (ESP) и официальных языковых школ, активно применяются геймифицированные цифровые ресурсы. Исследование Б. Чавес-Юсте с участием 87 учащихся показало использование пяти инструментов: «Genially», «Educaplay», «Quizizz», «Edpuzzle» и «Nearpod» [17, с. 86].

Сценарии применения:

- «Genially» – создание интерактивных презентаций и грамматических карт (видовременные формы глаголов, условные предложения);
- «Educaplay» и «Quizizz» – викторины и соревновательные задания на отработку структур;
- «Edpuzzle» – видео с встроенными вопросами по грамматике;
- «Nearpod» – совместные интерактивные сессии с мгновенной обратной связью.

Результаты показали общую положительную оценку ресурсов учащимися, особенно в

измерениях стиля преподавания, воспринимаемого обучения и мотивации. Более высокие результаты в цифровых геймифицированных активностях ассоциировались с относительно более благоприятной динамикой. В официальных языковых школах Андалусии цифровая компетентность преподавателей оценивается в рамках «DigCompEdu» (Digital Competence Framework for Educators – система цифровой компетентности для преподавателей), что способствует интеграции технологий в различные модальности обучения [16, с. 4].

В Эстонии цифровизация образования находится на высоком уровне. Применяются игровые цифровые решения и мультимодальные подходы. Магистерское исследование М. Филиппова демонстрирует использование игровых цифровых платформ для поддержки языкового обучения, включая элементы бронирования и геймификации, которые повышают мотивацию обучающихся [22, с. 3].

Мультимодальная коммуникация и когнитивные исследования подчёркивают ценность сочетания визуальных, аудитивных и интерактивных каналов при работе с языковым материалом, включая грамматику [23, с. 115]. Цифровые игровые решения позволяют отрабатывать грамматические структуры в контексте реальных коммуникативных задач, что положительно воспринимается учащимися и способствует повышению вовлечённости.

В Финляндии широко используются цифровые учебники (e-textbooks) и цифровые игры. Исследование М. Сиеккинен на основе интервью с пятью учителями английского языка показало, что цифровые учебники в целом оцениваются положительно: они содержат полезные функции, поддерживают интерактивное обучение и облегчают работу [25, с. 2].

Исследование А. Сильвеннойнена и А. Симулы выявило положительные установки будущих учителей в отношении цифровых игр как средства поддержки изучения английского языка. Ни один респондент не выразил полного несогласия с утверждением о возможности эффективного использования цифровых игр в обучении английскому [27, с. 2].

Сценарии: работа с цифровыми учебниками, включающими интерактивные грамматические упражнения; использование игровых платформ для отработки структур в соревновательном формате. Учителя отмечают качественное содержание цифровых ресурсов и их потенциал для поддержки обучения.

Наиболее перспективными, эффективными и современными цифровыми образовательными технологиями зарубежных стран, которые возможно использовать для обогащения отечественной лингводидактики представляются:

- геймифицированные платформы «Genially», «Educaplay», «Quizizz», «Edpuzzle», «Nearpod» (опыт Испании) – для создания контекстуализированных грамматических заданий с высокой мотивационной составляющей;
- цифровые учебники с интерактивными элементами (опыт Финляндии) – для системной работы с грамматикой;
- игровые цифровые решения и мультимодальные подходы (опыт Эстонии) – для повышения вовлечённости и связи грамматики с реальной коммуникацией.

Эти технологии позволяют обогатить отечественную практику за счёт усиления интерактивности, геймификации и персонализации работы с грамматическим материалом [6, с. 1].

Компаративный анализ показывает, что во всех рассмотренных странах цифровые образовательные технологии успешно интегрируются в преподавание грамматики английского языка. Общими чертами являются акцент на геймификацию, интерактивность, мгновенную обратную связь и повышение мотивации обучающихся. Опыт Испании демонстрирует эффективность конкретных геймифицированных инструментов в ESP-контексте, опыт Финляндии – ценность качественных цифровых учебников, опыт Эстонии – потенциал игровых и мультимодальных решений, опыт России – широкое применение смешанных моделей и LMS.

Выявленные практики могут быть адаптированы в отечественной лингводидактике для создания более динамичной, мотивирующей и эффективной системы работы с грамматическим аспектом английского языка.

Литература

1. Гейзерская Р.А. Цифровые образовательные технологии в обучении иностранному языку // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-obrazovatelnye-tehnologii-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 28.09.2026).
2. Ваганова О.И., Гладков А.В., Конова Е.Ю., Воронина И.Р. Цифровые технологии в образовательном пространстве // БГЖ.

2020. № 2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-obrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 28.09.2026).

3. Калимуллина О.В., Троценко И.В. Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетенность: анализ существующих проблем и тенденций // Открытое образование. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tsifrovye-obrazovatelnye-instrumenty-i-tsifrovaya-kompetenost-analiz-suschestvuyuschih-problem-i-tendentsiy> (дата обращения: 28.09.2026).

4. Коротева А.С., Челпаченко Т.В. Цифровые образовательные ресурсы как средство повышения эффективности усвоения информации обучающимися // Историко-педагогический журнал. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-obrazovatelnye-resursy-kak-sredstvo-povysheniya-effektivnosti-usvoeniya-informatsii-obuchayuschimisya-1> (дата обращения: 28.09.2026).

5. Бокова Т.Н., Милованова Л.А. Компаративный подход в лингводидактике: сущность, методология и перспективы // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2025. № 3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komparativnyy-podhod-v-lingvodidaktike-suschnost-metodologiya-i-perspektivy> (дата обращения: 28.09.2026).

6. Бокова Т.Н. Образование в зарубежных странах: состояние и перспективы развития: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ / Т.Н. Бокова, К.А. Габеева. – Москва: Языки Народов Мира, 2025. – 220 с. – ISBN 978-5-605-30345-9. – EDN TNNWL.

7. Милованова Л.А., Караваева В.Г., Цыбанева В.А. Лингводидактический потенциал системы Moodle и элемента H5P «интерактивное видео» в практике обучения аудированию // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – №. 4. – С. 61.

8. Васильева М.М., Мирзоева Е.Ю. Преимущества использования цифровых технологий при обучении грамматике английского языка // Печатается по решению ученого совета Анапского филиала МПГУ. – 2025. – С. 26.

9. Людмила Н.Щ. Применение цифровых технологий в дополнительном иноязычном образовании школьников // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 3 (144). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-](https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tsifrovyyh-tehnologiy-v-dopolnitelnom-inoazychnom-obrazovanii-shkolnikov)

[tsifrovyyh-tehnologiy-v-dopolnitelnom-inoazychnom-obrazovanii-shkolnikov](https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tsifrovyyh-tehnologiy-v-dopolnitelnom-inoazychnom-obrazovanii-shkolnikov) (дата обращения: 28.09.2026).

10. Серостанова Н.Н., Чопорова Е.И. Современные технологии преподавания иностранных языков в эпоху цифровизации образования // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – №. 6. – С. 10-10.

11. Никифорова И.Н. Использование цифровых технологий при обучении иностранному языку: плюсы и минусы // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2023. № 1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsifrovyyh-tehnologiy-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku-plyusy-i-minusy> (дата обращения: 28.09.2026).

12. Золотова Д.Р. Цифровые образовательные ресурсы: понятие и классификация // Тамбов: ТГУ им. ГР Державина. – 2022.

13. Яхьяева А.А., Магомадова Т.Д., Салатаева А.Х. Особенности интеграции цифровых инструментов в процесс преподавания английского языка // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-integratsii-tsifrovyyh-instrumentov-v-protsess-prepodavaniya-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 28.09.2026).

14. Ильина И.Е., Копельник В.И., Морозова О.Н. Использование цифровых ресурсов в процессе обучения иностранному языку // Ценностные ориентации эпохи цифровизации: монография / Тамбовский государственный технический университет. – 2022. – С. 199-227.

15. Дигтяр О.Ю. Интеграция технологий в процесс обучения английскому языку: обзор современных цифровых инструментов и их применение на практике // МНКО. 2025. № 4 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-tehnologiy-v-protsess-obucheniya-angliyskomu-yazyku-obzor-sovremennyh-tsifrovyyh-instrumentov-i-ih-primenenie-na> (дата обращения: 28.09.2026).

16. Rubio-Gragera M. et al. Digital teaching competence regarding foreign languages and learning modes at official language schools in Andalusia (Spain) // Societies. – 2025. – Vol. 15. – No. 4. – P. 99.

17. Chaves-Yuste B. Recursos digitales gamificados en la enseñanza de la gramática del inglés para fines específicos: perspectivas del alumnado

universitario // Revista Tecnología, Ciencia y Educación. – 2026. – P. 86-115.

18. Abril C.A.H., Cuevas-Montero R. Uso de la tecnología en la enseñanza de lenguas: nuevos horizontes educativos en la era de la inteligencia artificial // Revista Tecnología, Ciencia y Educación. – 2026. – P. 7-9.

19. Martín J.L.O., Macrory G., Chretien L. Efecto de las nuevas tecnologías en el aprendizaje del inglés en primaria: un currículo compartido por colegios de Francia, Inglaterra y España.

20. Vivar J.A.M. et al. La enseñanza de la gramática y la ortografía en la educación secundaria: un análisis de las prácticas docentes: The Teaching of Grammar and Spelling in Secondary Education: An Analysis of Teaching Practices // Revista Científica Multidisciplinar G-nerando. – 2025. – Vol. 6. – No. 1. – P. ág. 2739-2773.

21. Pedaste M., Bardone E. Trends and issues of digital learning in Estonia // Trends and issues of promoting digital learning in high-digital-competitiveness countries: Country reports and international comparison. – 2023. – P. 52-93.

22. Leoste J. Mänguliste digilahenduste abil eestikeelsele õppele üleminek tegevusuuringu näitel. – 2025.

23. Tenjes S. Multimodaalne suhtlus ja kogнитsiooniuringud pedagoogikas // Eesti ja soomeugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. – 2014. – Vol. 5. – No. 3. – P. 115-132.

24. Näykki P., Häkkinen P. Trends and issues of digital learning in Finland // Trends and issues of promoting digital learning in high-digital-competitiveness countries: Country reports and international comparison. – 2023. – P. 95-136.

25. Siekkinen M. Finnish teachers' perceptions on digital textbooks and interactive learning in English language teaching: дис. – М. Siekkinen, 2025.

26. Kolehmainen L. et al. Vieraiden kielten opiskelun ja osaamisen tulevaisuus Suomessa // Visioraportti. Online verfügbar unter: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/8fd8f454-857a-46e6-8f8d-1183475d83d9/content>, Zugriff am. – 2025. – Vol. 12. – P. 2026.

27. Silvennoinen A., Simula A. Opettajaopiskelijoiden arvioita digitaalisten pelien hyödyistä englannin kielen oppimisessa. – 2024.

ZHARIKOV Dmitrii Vasilyevich

Master's Student, Moscow City Pedagogical University, Russia, Moscow

DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF TEACHING ENGLISH GRAMMAR IN RUSSIA, SPAIN, ESTONIA, AND FINLAND (A COMPARATIVE ANALYSIS)

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the experience of incorporating and using digital educational technologies in the process of teaching the grammatical aspect of the English language in Russia, Spain, Estonia and Finland. The concept and types of digital educational technologies, their application in grammar teaching, advantages and features of use, as well as specific examples of tools («Genially», «Educaplay», «Quizizz», «Ed-puzzle», «Nearpod», digital textbooks, game platforms, etc.), scenarios of their application in lessons and students' perceptions are considered. Based on the analysis, the most promising practices that can enrich domestic linguodidactics are identified.*

Keywords: *digital educational technologies, English grammar, comparative analysis, gamification, linguodidactics, Russia, Spain, Estonia, Finland.*

МАТЧИНА Юлия Алексеевна

музыкальный руководитель,

МДОУ «Детский сад № 7 комбинированного вида», Россия, г. Валуйки

ИНТЕГРАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ КАДЕТСКОГО ОТРЯДА «МОРЯЧКИ»

Аннотация. В статье раскрываются аспекты взаимодействия музыкального руководителя и инструктора по физической культуре в системе гражданско-патриотического воспитания детей старшего дошкольного возраста. Автор рассматривает опыт реализации партисипативного подхода в рамках проекта «Сегодня кадеты – завтра защитники» на базе кадетского отряда «Морячки». Показана роль интеграции двигательной активности и музыкально-эстетической деятельности в соответствии с нормативными требованиями ФГОС ДО и ФОП ДО.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, кадетский отряд, интеграция, музыкальный руководитель, инструктор по физической культуре, ФОП ДО, ФГОС ДО, морская направленность.

Введение

В контексте внедрения Федеральной образовательной программы дошкольного образования (ФОП ДО) и соблюдения требований ФГОС ДО особое внимание уделяется созданию единого воспитательного пространства, направленного на формирование у дошкольников патриотических чувств, гражданской идентичности и уважения к защитникам Отечества.

Эффективной моделью решения данных задач выступает детское кадетское движение в ДОУ. В рамках муниципального проекта «Сегодня кадеты – завтра защитники» в нашем детском саду функционирует кадетский отряд морской направленности «Морячки». Реализация задач патриотического воспитания в отряде требует межпредметной интеграции, ключевым звеном которой является тандем музыкального руководителя и инструктора по физической культуре.

Теоретико-методологическое обоснование интеграции

ФОП ДО подчеркивает необходимость взаимного проникновения образовательных областей: «Физическое развитие», «Художественно-эстетическое развитие» и «Социально-коммуникативное развитие».

Синергия музыки и физической культуры в кадетском отряде «Морячки» базируется на следующих принципах:

1. Единство ритмической структуры. Музыкальный ритм организует двигательную

активность, способствует точности выполнения элементов строевой подготовки и физкультурно-спортивных упражнений.

2. Эмоциональная насыщенность. Патриотическая музыка (марши, военные и морские песни) создает эмоциональный фон, повышающий мотивацию к физическим нагрузкам и строевой дисциплине.

3. Воспитание волевых качеств. Сочетание физических упражнений и коллективного музыкального исполнительства формирует выдержку, выносливость, дисциплинированность и чувство ответственности перед отрядом.

Модель взаимодействия педагогов в рамках проекта «Сегодня кадеты – завтра защитники»

Совместная деятельность музыкального руководителя и инструктора по физической культуре включает несколько ключевых блоков:

1. Музыкально-строевая подготовка. Инструктор по физкультуре отрабатывает с детьми кадетскую выправку, повороты на месте и в движении, маршировку. Музыкальный руководитель подбирает и адаптирует маршевый репертуар (дробь барабанов, строевые марши ВМФ России), обучает детей исполнению строевой песни в движении без сбоя дыхания.

2. Музыкально-спортивные праздники и военно-патриотические игры. В рамках проекта регулярно проводятся совместные мероприятия: военно-спортивная игра «Зарничка»,

кадетские праздники («День защитника Отечества», «День ВМФ», «День Победы»). Музыкальный руководитель обеспечивает эмоционально-торжественную часть (гимн России, вынос флага, фанфары, вокальные номера), а инструктор по физкультуре организует эстафеты, полосы препятствий и силовые состязания. Кадеты ДОО «Морячки» участвуют в конкурсах: «Строя и песни», «Кадетские звёздочки».

3. Хореографическо-гимнастические композиции. Педагоги совместно разрабатывают танцевально-спортивные номера морской тематики (например, матросский танец «Яблочко», ритмические композиции с бескозырками и флажками). Инструктор отвечает за координационную точность и физическую переносимость элементов, музыкальный руководитель – за выразительность, ритмическую точность и художественный образ.

4. Закаливание и психомышечная релаксация. На физкультурных занятиях и после интенсивных физических нагрузок музыкальный руководитель подбирает релаксационные аудиоряды (звуки моря, шумы прибора), способствующие нормализации психоэмоционального состояния детей.

Результаты совместной работы

Систематическое взаимодействие специалистов позволило достичь следующих показателей развития воспитанников отряда «Морячки»:

- Физические и двигательные: улучшение координации движений, пространственной ориентации, чувства ритма и физической выносливости;

- Личностные: формирование устойчивого интереса к кадетскому движению, дисциплинированности, коллективизма;

- Гражданско-патриотические: осознание значимости службы защитников Отечества, уважительное отношение к символам и традициям Российского флота, знание патриотического музыкального репертуара.

Заключение

Интегрированный подход в работе музыкального руководителя и инструктора по физической культуре в условиях кадетского отряда «Морячки» доказывает свою высокую эффективность. Сочетание музыкально-эстетического и физического воспитания в рамках проекта «Сегодня кадеты – завтра защитники» способствует гармоничному развитию личности дошкольника, формируя прочный фундамент гражданственности, патриотизма и физической готовности к защите Родины.

Литература

1. Приказ Минпросвещения России от 25.11.2022 № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования».
2. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утв. приказом Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155).
3. Волошина Л.Н. Физическое воспитание дошкольников в условиях реализации ФГОС ДОО. – М.: Учитель, 2018.
4. Зацепина М.Б. Патриотическое воспитание дошкольников средствами искусства. – М.: Мозаика-Синтез, 2019.

MATCHINA Yulia Alekseevna

Music Director, MDOU "Kindergarten No. 7 of combined type", Russia, Valuiki

INTEGRATION OF MUSICAL AND PHYSICAL EDUCATION IN THE PROCESS OF CIVIC AND PATRIOTIC DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN OF THE CADET DETACHMENT "SAILORS"

Abstract. *The article reveals the aspects of interaction between a music director and a physical education instructor in the system of civil and patriotic education of older preschool children. The author examines the experience of implementing a participatory approach within the framework of the project "Cadets today – defenders tomorrow" on the basis of the cadet detachment "Sailors". The role of integrating motor activity and musical and aesthetic activity in accordance with the regulatory requirements of the Federal State Educational Standard DO and the Federal Educational Standard DO is shown.*

Keywords: *patriotic education, cadet squad, integration, musical guidance, physical education instructor, FOP DO, FGOS DO, marine orientation.*

ОБОЗНАЯ Людмила Станиславовна

учитель русского языка и литературы, ГКУ «Валуйская вечерняя школа», Россия, г. Валуйки

ЛУСТА Людмила Ивановна

учитель биологии, ГКУ «Валуйская вечерняя школа», Россия, г. Валуйки

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У УЧАЩИХСЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье рассматривается специфика формирования патриотических чувств у молодых людей, отбывающих наказание в исправительных колониях. Анализируются основные барьеры (криминальная субкультура, деформация ценностных ориентиров, правовой нигилизм) и предлагается комплексный подход к патриотическому воспитанию, основанный на практической деятельности, исторической правде и ценностных ориентациях.

Ключевые слова: пенитенциарная школа, исправительная колония, патриотизм, осужденные, криминальная субкультура, ресоциализация, ценностные ориентации.

Воспитание патриотизма в условиях общеобразовательной школы – сложная педагогическая задача. В условиях пенитенциарной школы, где обучаются молодые люди, отбывающие наказание в исправительных колониях, эта задача приобретает еще более сложный характер. Для личности, совершившей преступление против государства и общества, понятия «Родина», «закон», «долг» часто искажены или полностью обесценены. Учащийся пенитенциарной школы – это человек с глубокой деформацией базового доверия к миру. Его личная история часто начинается с того, что государство в его представлении – это карающая машина, а общество отвернулось от него задолго до приговора. В его системе координат нет места абстрактному «Отечеству». Есть «свои» (семья, подельники, сокамерники) и «чужие» (администрация, полиция, равнодушные граждане).

Традиционные методы патриотического воспитания (торжественные линейки, лекции о государственных символах) в условиях изоляции не работают. Они воспринимаются осужденными как очередная формальность, навязанная администрацией. Формирование патриотизма здесь невозможно без глубокой внутренней переоценки и должно быть неразрывно связано с процессом исправления и подготовки к жизни на свободе.

Учащиеся пенитенциарной школы – это, как правило, молодые люди с педагогической запущенностью и глубокими психологическими

травмами. К основным барьерам на пути воспитания патриотизма относятся:

- Приоритет криминальной субкультуры. Понятия «свои» и «чужие» в сознании осужденного жестко разделены по принципу принадлежности к преступному миру. Родина в этой парадигме часто воспринимается как враждебная сила («мусорское государство»).
- Правовой нигилизм. Отсутствие уважения к закону переносится на отсутствие уважения к государственным институтам в целом.
- Искаженная иерархия ценностей. На первом месте стоит личное выживание и статус в криминальной среде, интересы общества и государства находятся на периферии.
- Разрыв семейных связей. У значительной части осужденных отсутствуют позитивные примеры служения Отечеству в семейной истории, либо эта история связана с собственным криминальным прошлым родственников.

В пенитенциарной школе учитель – это единственный представитель «большого мира», с которым у заключенного возможен длительный человеческий контакт. Учитель литературы, который не боится говорить о собственных жизненных трудностях; учитель математики, который после уроков остается помочь разобраться в чертежах; учитель истории, который признает, что его дед тоже совершал ошибки, – именно такой педагог становится живым воплощением страны.

Патриотизм в этих стенах воспитывается не лозунгами, а конкретными примерами.

Работа по воспитанию патриотизма в пени-тенциарной школе должна строиться на нескольких фундаментальных принципах:

- Деятельностный подход. Патриотизм – это не знание текста гимна, а готовность к созидательному труду и служению. Абстрактные лозунги должны быть заменены конкретными делами.

- Историческая правда без прикрас. Подростки с криминальным опытом крайне чувствительны к фальши. Рассказы о «великом и непогрешимом» прошлом вызывают отторжение. Необходимо говорить об истории России честно, включая трудные страницы, показывая, как страна преодолевала кризисы через единство и самопожертвование.

- Связь с малой родиной. Понятие «огромной страны» для подростка из неблагополучной среды слишком абстрактно. Воспитание начинается с любви к своему городу, поселку, улице.

- Личный пример педагога. В условиях колонии учитель – это один из немногих представителей «вольного» мира, с которым воспитанник общается ежедневно. Его честность, профессионализм и уважение к ученику являются главным инструментом воспитания.

Стандартные мероприятия необходимо адаптировать под специфику учреждения:

- Проект «Живая история моей семьи». Вместо заучивания дат Великой Отечественной войны – исследовательская работа. Воспитанники (там, где это возможно и не травмирует психику) восстанавливают историю своих прадедов-участников войн, тружеников тыла, строителей БАМа или покорителей целины. Если семейная история отягощена преступлениями, педагог помогает найти в ней точку перелома – осознание предками своих ошибок. Это позволяет подростку встроить себя в легитимную историю страны, а не в историю преступного клана. Результаты оформляются в школьный музейный уголок.

- Урок-реквием «Бессмертный полк нашего класса». В отличие от стандартного шествия, здесь акцент делается на рассказе. Каждый ученик заранее готовит не просто фотографию, а короткую историю (на 2-3 минуты) о своем предке: кем он был до войны, какой у

него был характер, какое письмо с фронта сохранилось в семье.

- Литературно-музыкальный салон «Письма с фронта в XXI век». Ученики читают реальные письма фронтовиков, но подают их через современные форматы: читают под аккомпанемент гитары, накладывают на современную музыку, записывают как подкаст или создают по ним короткие видеоролики. Это помогает преодолеть дистанцию времени и почувствовать живую боль и надежду людей из прошлого.

Риски и профилактика имитации

Главная опасность патриотического воспитания в колонии – создание «фасада». Осужденные быстро усваивают, какие слова хочет слышать администрация, и начинают декларировать любовь к Родине ради получения УДО или поощрений. Для профилактики имитации оценка патриотической воспитанности должна проводиться не по словам, а по косвенным признакам:

- готовность бескорыстно помочь слабому однокласснику (в противовес законам зоны);

- бережное отношение к школьному имуществу и книгам;

- отказ от использования жаргона на уроках истории и литературы при обсуждении государственных тем;

- осознанный выбор рабочих специальностей, востребованных в легальной экономике родного региона, при планировании жизни после освобождения.

Воспитание патриотизма у учащихся пени-тенциарной школы – это не прививка любви к государственным символам, а сложный процесс ресоциализации. Его цель – вернуть осужденным чувство принадлежности к большому обществу, показать легальные и созидательные способы самореализации на благо своей страны. Успешно реабилитированный гражданин, который после освобождения идет работать на завод, создает семью и платит налоги, является главным результатом патриотического воспитания в условиях лишения свободы. Именно через обретение профессии и чувства ответственности за свой труд происходит возвращение осужденного в правовое и культурное поле России.

OBOZNAYA Lyudmila Stanislavovna

Teacher of Russian Language and Literature, Valuyskaya Evening School, Russia, Valuyki

LUSTA Lyudmila Ivanovna

Biology Teacher, Valuyskaya Evening School, Russia, Valuyki

PECULIARITIES OF EDUCATION OF PATRIOTISM AMONG PUPILS OF PENITENTIARY SCHOOLS

Abstract. *The article examines the specifics of the formation of patriotic feelings among young people serving sentences in correctional colonies. The main barriers (criminal subculture, deformation of value orientations, legal nihilism) are analyzed and a comprehensive approach to patriotic education based on practical activities, historical truth and value orientations is proposed.*

Keywords: *penitentiary school, penal colony, patriotism, convicts, criminal subculture, resocialization, value orientations.*

СИТНИКОВА Светлана Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры цифровых технологий
и инженерной графики, Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
Россия, г. Хабаровск

НИКУЛИН Андрей Алексеевич

аспирант кафедры цифровых технологий и инженерной графики,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Россия, г. Хабаровск

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЧЕСТНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние генеративного искусственного интеллекта на систему высшего образования и трансформацию традиционных подходов к обучению, контролю и оцениванию образовательных результатов.

Особое внимание уделяется проблеме академической честности, которая приобретает особую значимость в условиях широкого распространения инструментов генерации текстов, программного кода и графических решений.

Анализируются основные риски использования GenAI: снижение самостоятельности и когнитивной активности обучающихся, некритическое воспроизведение ошибочной информации, усложнение процедуры антиплагиатной проверки, неопределенность авторства и повышение нагрузки на преподавателя.

Обосновывается необходимость институционального регулирования применения искусственного интеллекта на основе прозрачности, декларирования используемых моделей и промптов, а также соблюдения этических и правовых норм.

Предлагается изменить философию педагогического оценивания, сместив акцент с конечного результата на процесс его получения и степень самостоятельности обучающегося.

На примере инженерно-графической подготовки бакалавров строительства раскрывается потенциал ИИ-интегрированных методик контроля, направленных на развитие пространственного мышления, критического и алгоритмического мышления.

Рассматриваются экспертиза ошибок ИИ, промпт-инжиниринг геометрических скриптов и анализ трансформации двумерных чертежей в трехмерные модели.

Делается вывод о целесообразности сочетания цифровых инструментов с устной верификацией, уникальными заданиями и оценкой логики пространственных преобразований.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, высшее образование, академическая честность, педагогическое оценивание, инженерная графика, пространственное мышление, образовательный контроль.

Введение

Стремительное распространение технологий искусственного интеллекта в системе вузовского образования, особенно генеративных моделей, существенно изменило характер взаимодействия между субъектами образовательного процесса, трансформировав традиционные формы образовательного взаимодействия в обучении и при проверке практических заданий и выдвинув на ведущее место феномен академической честности.

Результаты и обсуждения

Появление генеративного искусственного интеллекта (GenAI) явилось вызовом к

педагогической науке в части методологического осмысления использования его в образовательном процессе [6, с. 86-98].

И в российской и зарубежной научной сфере предпринимаются попытки проанализировать вызовы и риски генеративного искусственного интеллекта в части влияния на традиционные образовательные модели, методологическое его обоснование, условия и формы воздействия на познавательную сферу личности обучающегося и др.

В зарубежных исследованиях предлагаются критерии ответственного использования генеративного ИИ [4, с. 1272-1274], предлагается

разграничение допустимого и недопустимого [1], и мотивация обучающихся к честному признанию использования средств генерации [2, 5], учитывается потенциал персонализации образовательного процесса [3] и др.

В российских научных исследованиях отмечается потенциал в учете индивидуальных потребностей обучающихся при разработке ИИ стратегии в персонализированном обучении и развитии творческого потенциала личности [9].

При этом на ведущее место выходит понимание феномена *академической честности*, как социально-образовательного и этико-интеллектуального явления [8].

Осмысление выше представленных исследований позволяет сформулировать некоторые вызовы академической честности в эпоху GenAI:

- изменение качественной роли системы антиплагиата за счет достаточно корректного перефразирования без потери смысловой значимости;
- деградация когнитивных навыков обучающихся из-за передачи генеративному ИИ

систематизирующих и аналитических функций и исследовательских компетенций;

- возникновение концепции «педагогика гибридного интеллекта» и неопределенности авторских прав;
- Отсутствие проверки фактов, представляемых генеративным ИИ – «галлюцинации» – реплицирование ложных фактов.

Являясь объективной реальностью, генеративное ИИ требует осмысленных подходов к его использованию в образовательном процессе и прагматичной институционализации.

Опыт ведущих вузов позволяет смоделировать методы взаимодействия генеративного ИИ и образования на принципах регулирования (указание на глубину вовлечения ИИ-алгоритмов в готовый текст), технологической прозрачности и изменения самой философии оценивания знаний обучающихся (возврат к устным экзаменам и устному обоснованию гипотез, методов и результатов решения задач).

Предлагаемая трансформация взаимодействия генеративного ИИ и образования, представленная в таблице 1 позволяет проследить системность изменений.

Таблица 1

Институциональная трансформация vs Трансформация контроля

Критерий	Изменение этических кодексов вузов	Трансформация методик контроля (экзаменов)
Суть подхода	Юридическое и этическое регулирование.	Методическая перестройка. Изменение самого формата заданий, при котором использование ИИ становится либо бесполезным, либо частью процесса.
Ключевой фокус	Прозрачность и декларирование.	Проверка процесса, а не результата за счёт смещения фокуса с финального текста/кода на то, <i>как</i> обучающийся пришел к этому решению.
Инструменты	Шкалы прозрачности (AI-Disclosure): (какие промпты вводились, какие модели использовались). Новые правила цитирования: стандарты APA/MLA для ссылок на диалоги с ChatGPT. Юридическая ответственность за академическое мошенничество.	Устные защиты письменных работ. Возврат к письменным экзаменам «от руки» без гаджетов.
Главный риск	Сложность верификации.	Высокая нагрузка на преподавателя.

Трансформация методик педагогического оценивания от оценки результата к оценке процесса предполагает:

- оценивание всего процесса получения обучающимся результата;
- исключение самой возможности генерации;

- устная верификация с целью выявления степени образовательной самостоятельности обучающегося.

Проанализируем педагогический потенциал использования генеративного ИИ в инженерно-графической подготовке бакалавров строительства (влияние на формирование и

развитие пространственного воображения).

Определенно, потенциал генеративного ИИ в части контроля смещается на контроль мыслительных операций обучающегося и логики пространственных преобразований:

- графический диктант с оценкой пространственной логики обучающихся

(например: 1. Провести горизонталь h и фронталь f через вершину A ... 2. Построить перпендикуляр из точки D к плоскости...);

- выдача уникальных заданий, условий и вариантов решения которых нет в сети.

В таблице 2 представлена матрица ИИ-интегрированных методик контроля.

Таблица 2

Матрица ИИ-интегрированных методик контроля

Название методики	Механика контрольного задания	Что оценивает преподаватель
Экспертиза ИИ-галлюцинаций	Выдается чертеж или текстовое решение задачи, сгенерированное ИИ, в котором допущена тошбка (например, неверно определена видимость методом конкурирующих точек или нарушена ортогональность при замене плоскостей проекций). Задача: локализовать ошибку, графически доказать ее наличие и исправить.	Критическое мышление, глубина понимания инвариантных свойств ортогонального проектирования.
Промпт-инжиниринг геометрических скриптов	Решить задачу (например, построение развертки наклонного конуса), написав текстовый промт для ИИ, генерирующего код (например, на Python с библиотекой matplotlib или скрипт для AutoCAD). Задача: сделать лог промтов и итоговый работающий код скрипта, который строит эпюр по любым вводимым координатам.	Способность к параметризации геометрических объектов, алгоритмическое мышление.
Анализ коллизий трансформации	Задача: использовать ИИ для перевода двухмерного комплексного чертежа (эпюра Монжа) в твердотельную 3D-модель, описать пространственные неоднозначности ИИ при чтении чертежа и как он их скорректировал.	Навыки: реверс-инжиниринга и пространственной реконструкции.

Для бакалавров строительства предлагается трансформировать экзамен за счет переноса с рутинного черчения на способность мыслить

пространственными смыслами посредством реализации блоков, представленных на рисунке.

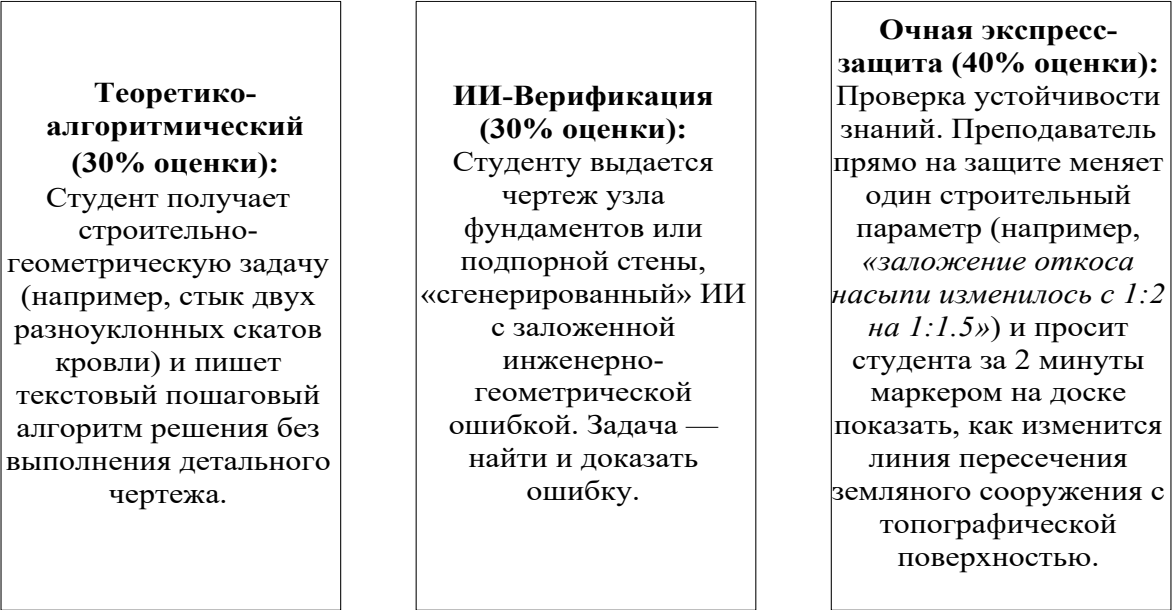

Рис. Блоки экзамена

При этом оценивание устных ответов предлагается на основе следующих дескрипторов:

Оценка «отлично»:

- безошибочное определение взаимоотношений исходных данных и пространственной формы;
- оперирование инвариантами ортогонального проектирования;
- четкость и логичность обоснований проектных решений;
- автономность к подсказкам алгоритмов ИИ.

Оценка «хорошо»:

- понимание качественного характера изменений на чертеже;
- общее верное обоснование хода решения с опорой на учебники или методические рекомендации;
- общее понимание и использование терминологии с редкими недочетами;
- самостоятельное решение графических заданий с редкими обращениями к учебникам.

Оценка «удовлетворительно»:

- поиск помощи при решении геометрических задач в генеративном ИИ.

Выводы

Стремительное распространение генеративного искусственного интеллекта в системе высшего образования требует пересмотра традиционных подходов к обучению, контролю и оцениванию результатов образовательной деятельности. Основной проблемой становится обеспечение академической честности, поскольку ИИ способен не только создавать тексты и решения, но и скрывать факт заимствования, воспроизводить недостоверную информацию и снижать самостоятельность обучающихся.

Вместе с тем генеративный ИИ обладает значительным педагогическим потенциалом: он может способствовать персонализации обучения, развитию творческого и алгоритмического мышления, а также использоваться как инструмент анализа ошибок и моделирования профессиональных ситуаций. Поэтому его применение в вузе должно основываться не на полном запрете, а на принципах прозрачности, регламентированности и обязательного декларирования степени использования ИИ.

Наиболее продуктивным направлением является переход от проверки только конечного результата к оцениванию процесса его получения. Это предполагает введение устной защиты работ, уникальных заданий, проверки логики

рассуждений, анализа ошибок, фиксации промптов и оценки способности обучающегося самостоятельно обосновывать принятое решение. Особенно актуален такой подход для инженерно-графической подготовки бакалавров строительства, где важно оценивать не только качество чертежа, но и пространственное мышление, понимание закономерностей ортогонального проектирования и умение выполнять пространственные преобразования.

Таким образом, эффективная интеграция генеративного ИИ в образовательный процесс возможна при одновременном институциональном регулировании и методической трансформации контроля. В этих условиях ИИ должен рассматриваться не как замена интеллектуальной деятельности обучающегося, а как вспомогательный инструмент, использование которого способствует развитию критического мышления, пространственного воображения и профессиональных компетенций при сохранении академической самостоятельности и ответственности.

Литература

1. Assessment, AI and Academic Integrity // The University of Melbourne. URL: <https://melbourne-cshe.unimelb.edu.au/ai-aai>.
2. CS50 Will Integrate Artificial Intelligence Into Course Instruction // The Harvard Crimson. URL: <https://www.thecrimson.com/article/2023/6/21/cs50-artificial-intelligence>.
3. Generative AI for Educators // Grow with Google. URL: <https://grow.google/ai-for-educators>.
4. Porsdam Mann S., Vazirani A.A., Aboy M., Earp B.D., Minssen T., Cohen I.G., Savulescu J. Guidelines for ethical use and acknowledgement of large language models in academic writing // Nature Machine Intelligence. 2024. Vol. 6. P. 1272-1274. DOI: 10.1038/s42256-024-00922-7.
5. What do I do if I think a student has inappropriately used GenAI on an assessment? // The University of Melbourne. URL: <https://melbourne-cshe.unimelb.edu.au/resources/topics/assessment-and-feedback/specific-help/ai-in-teaching-and-learning>.
6. Белолобова А.А. Искусственный интеллект в образовании: проблема его недобросовестного использования обучающимися // Инженерное образование. 2025. № 37. С. 86-98.
7. Буряк Н.Ю., Жуковская А. Академическая честность в условиях нормализации ИИ в

образовании: переосмысление плагиата в эпоху искусственного интеллекта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 5-2.

8. Валеева Г.В. Академическая честность как социально-культурный феномен в

условиях цифровизации высшего образования // Манускрипт. 2025. № 4.

9. Плащевая Е.В., Забелин Д.А., Ланина С.Ю. Диалоговый чат-бот CHATGPT в образовании: проблемы и возможности // Преподаватель XXI век. 2023. № 4-1.

SITNIKOVA Svetlana Yurievna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Digital Technologies and Engineering Graphics, Far Eastern State University of Railway Communications, Russia, Khabarovsk

NIKULIN Andrey Alekseevich

Postgraduate Student of the Department of Digital Technologies and Engineering Graphics, Far Eastern State University of Railway Transport, Russia, Khabarovsk

THE EMERGENCE OF GENERATIVE AI AND NEW CHALLENGES TO ACADEMIC INTEGRITY

Abstract. *The article examines the impact of generative artificial intelligence on the higher education system and the transformation of traditional approaches to teaching, monitoring and evaluating educational outcomes.*

Special attention is paid to the problem of academic integrity, which is becoming particularly important in the context of the widespread use of text generation tools, program code and graphical solutions.

The main risks of using GenAI are analyzed: decreased independence and cognitive activity of students, uncritical reproduction of erroneous information, complication of the anti-plagiarism verification procedure, uncertainty of authorship and increased burden on teachers.

The article substantiates the need for institutional regulation of the use of artificial intelligence based on transparency, declaration of the models and products used, as well as compliance with ethical and legal norms.

It is proposed to change the philosophy of pedagogical assessment, shifting the focus from the final result to the process of obtaining it and the degree of independence of the student.

Using the example of engineering and graphic training for bachelors of civil Engineering, the potential of AI-integrated control techniques aimed at developing spatial thinking, critical and algorithmic thinking is revealed.

Examination of AI errors, industrial engineering of geometric scripts, and analysis of the transformation of two-dimensional drawings into three-dimensional models are considered.

It is concluded that it is advisable to combine digital tools with oral verification, unique tasks and an assessment of the logic of spatial transformations.

Keywords: *generative artificial intelligence, higher education, academic integrity, pedagogical assessment, engineering graphics, spatial thinking, educational control.*

СОТНИКОВА Наталья Петровна

воспитатель,

МБДОУ д/с № 19 «Антошка», Россия, г. Белгород

ГРЕБЕНИК Ирина Александровна

воспитатель,

МБДОУ д/с № 19 «Антошка», Россия, г. Белгород

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ С ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ПО АЛГОРИТМИКЕ

Аннотация. В статье представляются и описываются особенности организации процесса обучения детей подготовительной группы основам алгоритмики. А также описываются аспекты и методы организации данного процесса.

Ключевые слова: специфика работы, дети подготовительного возраста, алгоритмика, аспекты и методы организации.

В практике организации учебно-воспитательного процесса ДОО каждый педагогический сотрудник столкнулся с проблемой воспитания цифровой культуры, которая выходит на общегосударственный уровень. Так, в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации для расширения воспитательных возможностей информационных ресурсов предусматривается: «создание условий, технологий и методов для использования возможности информационных ресурсов, информационная организационно-методическое оснащение воспитательной деятельности в соответствии с современными требованиями, воспитания в детях умения совершать правильный выбор в условиях возможного негативного воздействия информационных ресурсов, обеспечение условий защиты детей от информации причиняющей вред их здоровью и психическому развитию» [4, п. 1].

Для соблюдения указанных выше условий цифровизации детей дошкольного возраста было принято решение о реализации программы по развитию алгоритмических навыков и потребностей детей, которая направлена на удовлетворение познавательного развития, процесса индивидуализации и социализации детей старшего дошкольного возраста.

Процесс образования детей сегодня невозможно представить без использования технических и компьютерных средств. Реализация программы по алгоритмике создаст условия для овладения детьми навыков программирования, а также развитие индивидуальности каждого ребёнка, учитывая его интересы и уровень активности [5, с. 43].

Специфика работы с детьми подготовительного возраста в рамках реализации программы по алгоритмике включает следующие особенности (рис. 1).

Поэтапное освоение курса	• позволяет детям с разным уровнем развития освоить те этапы сложности, которые соответствуют их способностям
Индивидуальный подход к каждому ребёнку	• задания подбираются разного уровня сложности
Диалоговые формы работы	• дети включаются в образовательный процесс в роли активных субъектов и организаторов
Игровые технологии	• стимулируют исследовательскую деятельность детей
Широкое применение ИКТ-технологий	• в процессе обучения дети работают с планшетами, используя их для создания элементарных программ

Рис. 1. Особенности организации работы по алгоритмике

Работа по формированию навыков алгоритмики и программирования у детей дошкольного возраста состоит из трех этапов:

Этап 1. Включает усвоение ребёнком в игровой форме действий (команд), ребёнок выполняет роль робота.

Этап 2. Основывается на игровой форме, результатом которого становится усвоение понятия исполнитель.

Этап 3. Дети дошкольного возраста в форме игры выполняют ряд действий с моделями.

Работая на планшетах, дети самостоятельно или в группах составляют программы, управляя роботом в заданной обстановке [3, с. 25].

Целенаправленную работу по формированию навыков алгоритмики и программирования детей дошкольного возраста можно представить следующим образом:

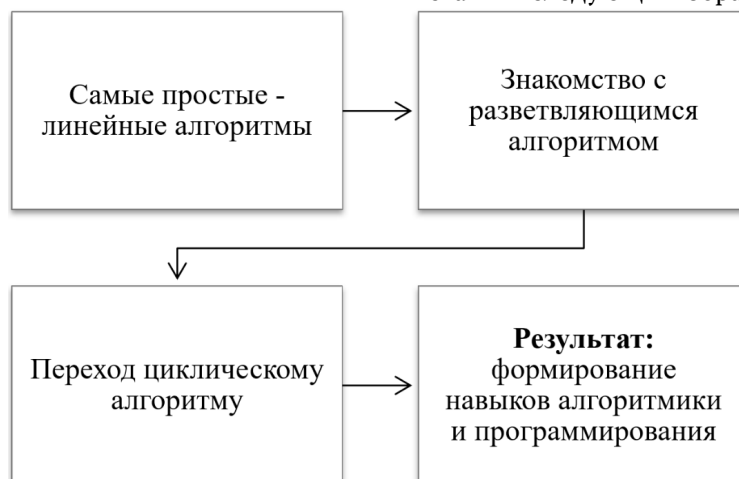

Рис. 2. Последовательность работы по алгоритмике в ДОО

Процесс развития мышления детей дошкольного возраста при обучении алгоритмике непосредственно связан с процессом развития логического и абстрактного мышления [2, с. 318]. Именно поэтому в практике своей работы при организации процесса реализации программы по алгоритмике мы начинаем работу с детьми, используя различные типы лабиринтов, использование которых развивает у дошкольника умение ориентировки в

пространстве, навыкам обобщения и анализа, развитие интеллектуальных способностей и контроля за своими действиями. С каждым новым занятием по алгоритмике работа с лабиринтами усложняется.

Итогом освоения каждого из этапов реализации программы по алгоритмике, как и других программ, проводится мониторинг, цель которого состоит в выявлении уровня усвоения программы дошкольниками [1, с. 106].

Таким образом, используя в реализации программы по алгоритмике простых и понятных игр, дети дошкольного возраста совершают свои первые шаги в программировании, а также у них формируется алгоритмические умения в организации деятельности, развивается умение самостоятельной постановки целей, планирование действий, контроль и самоконтроль своей деятельности.

Литература

1. Денисова Е.В. Введение дошкольников в мир алгоритмизации и программирования / Е.В. Денисова. – Текст: непосредственный // Всероссийский журнал «Воспитатель детского сада»// – 2024. – № 4. С. 104-107. URL: <https://www.vospitatelds.ru/categories/7/articles/13382> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Лобанова Е.Б. Опыт использования алгоритмики и робототехники в дошкольном образовательном учреждении / Е.Б. Лобанова, В.М. Маркелова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 23 (365). – С. 318-322. – URL: <https://moluch.ru/archive/365/81900/> (дата обращения: 20.10.2024).
3. Пономарева Ю.В. Формирование основ алгоритмики и программирования в ДОУ/ Ю.В. Пономарева. – Текст: непосредственный // Журнал «Дошкольник РФ». – 2023. – № 37 (306). – С. 25. URL: <http://doshkolnik.ru/pedagogika/36163-opyt-raboty-po-teme-formirovanie-osnov-algoritmiki-i-programmirovaniya-v-dou.html> (дата обращения: 19.10.2024).
4. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», раздел III, п. 1.
5. Щепина И.Н. Обучение дошкольников основам программирования и алгоритмизации в процессе применения интерактивного набора «Робот-мышь» / И.Н. Щепина. – Текст: непосредственный // Вопросы дошкольной педагогики. – 2021. – № 2 (39). – С. 43-46. – URL: <https://moluch.ru/th/1/archive/189/5991/> (дата обращения: 19.10.2024).

SOTNIKOVA Natalia Petrovna

Educator, MBDOU d/s № 19 "Antoshka", Russia, Belgorod

GREBENIK Irina Alexandrovna

Educator, MBDOU d/s № 19 "Antoshka", Russia, Belgorod

THE SPECIFICS OF WORKING WITH PRESCHOOL CHILDREN IN THE IMPLEMENTATION OF THE ALGORITHMIC PROGRAM

Abstract. *The article presents and describes the features of the organization of the process of teaching children of the preparatory group the basics of algorithmics. It also describes the aspects and methods of organizing this process.*

Keywords: *specifics of work, children of preparatory age, algorithmics, aspects and methods of organization.*

СПИЛЬНИК Александр Сергеевич

учитель, МБОУ «Центр образования № 6 «Перспектива», Россия, г. Белгород

СПИЛЬНИК Наталья Николаевна

учитель, МБОУ «Центр образования № 6 «Перспектива», Россия, г. Белгород

РАЗВИТИЕ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются педагогические возможности проблемного обучения для целенаправленного развития логических операций (анализ, синтез, сравнение, обобщение) у учащихся 3-х классов. Представлены результаты годовичного педагогического эксперимента, доказывающие эффективность перехода от репродуктивного усвоения (процесс восприятия и запоминания информации без ее критического осмысления или самостоятельного поиска – по принципу «сделай, как показано») алгоритмов к самостоятельному конструированию математических закономерностей на примере конкретных логико-математических задач.

Ключевые слова: логическое мышление, младший школьный возраст, проблемное обучение, математическая дискуссия, логико-математические задачи, знаково-символическое моделирование.

Постановка проблемы

Младший школьный возраст является сензитивным периодом для формирования основ словесно-логического мышления. Однако анализ практики преподавания математики в начальной школе выявляет устойчивую тенденцию к формализму. Учебный процесс зачастую строится на трансляции готовых правил и отработке вычислительных навыков по жестко заданному образцу.

В результате учащиеся демонстрируют высокую скорость счета, но испытывают серьезные затруднения при решении нестандартных задач, требующих установления причинно-следственных связей. Дети не умеют обосновывать выбор арифметического действия, путаются в многошаговых рассуждениях и не способны переносить усвоенный способ решения в новую ситуацию.

Проблема исследования заключается в поиске и научном обосновании таких форм организации учебной деятельности, которые бы смещали фокус с получения правильного ответа на процесс логического поиска этого ответа, не снижая при этом темп освоения обязательной программы.

Научная новизна:

1. Адаптирована и внедрена в практику начальной школы модель «математической дискуссии», где учитель не подтверждает правильность ответа, а задает вопросы,

вскрывающие логические противоречия в рассуждениях детей.

2. Разработан комплекс «открытых» логико-математических задач, не имеющих единственно верного алгоритма решения на старте.

3. Доказано, что систематическое использование знаково-символического моделирования на этапе поиска решения задачи повышает осознанность вычислительного этапа на 40% по сравнению с традиционными краткими записями.

Примеры математических задач, использованных в формирующем эксперименте

Для развития логического мышления применялся трехуровневый комплекс задач, интегрированный в стандартные темы программы 3 класса:

1. Задачи на выявление ложных умозаключений (тема «Порядок действий»)

Условие: Учитель записывает на доске пример: $50 - 10 * 2 = 80$. **Ход работы:** Большинство учеников в классе соглашались с ответом, выполняя действия по порядку. **Проблемный вопрос учителя:** «Петя и Маша получили 80. А Вася получил 30 и утверждает, что ответ Пети ломает закон сохранения веса, если представить, что 50 – это 50 кг зерна, а 10 и 2 – это количество мешков. Кто из мальчиков нарушает правила логики, а кто – правила математики?»

Какое правило нужно ввести, чтобы логика и математика не спорили?» *Цель:* Сформировать понимание иерархии операций не как абстрактного правила, а как логической необходимости для однозначной интерпретации реальности.

2. Задачи с избыточными и недостающими данными (тема «Скорость, время, расстояние»)

Условие: «Турист шел со скоростью 4 км/ч. Он вышел из города в 9:00 утра. По дороге он отдыхал 15 минут и съел два яблока. В какое время он придет в деревню, если деревня находится в 12 км от города?» *Ход работы:* Ученики пытаются использовать все числа из текста. *Проблемный вопрос учителя:* «Какое число в задаче лишнее и почему оно мешает логике? Какого числа нам не хватает, чтобы решить задачу? Можем ли мы дать точный ответ или только диапазон?» *Цель:* Развитие операции анализа (выделение существенного) и критической оценки условия.

3. Открытые задачи на классификацию (тема «Дроби и доли»)

Условие: На доске набор чисел: $1/2$, $2/4$, 5, 0.5, $25/50$, 50%. *Задание:* «Разбейте эти записи на группы любым способом. В каждой группе должно быть больше одного элемента. Объясните свой принцип». *Ожидаемый результат:* Сильные ученики обычно делят на «дроби и целые числа» или на «записанные цифрами и со знаком процента». *Ход дискуссии:* Учитель просит найти другой принцип. В ходе наводящих вопросов дети приходят к логическому обобщению: «Все эти записи обозначают одно и то же количество, просто язык записи разный». *Цель:* Формирование операции обобщения на абстрактном числовом материале.

4. Задачи на обратную дедукцию (тема «Уравнения»)

Условие: «Я задумал число, разделил его на 3, прибавил 15, умножил на 2 и получил 66. Какое число я задумал?» *Ход работы:* Дети пытаются решать задачу с конца, но часто ошибаются в знаках. *Проблемный вопрос:* «Давайте нарисуем схему-чертеж (модель «мешочки»). Если в конце получилось 66, то что было на предпоследнем шаге? Почему мы делим, а не умножаем? Докажите это с помощью весов». *Цель:* Развитие способности к мысленному экспериментированию и построению обратного алгоритма.

Методы исследования

1. Теоретические: анализ психолого-педагогической литературы по теориям Ж. Пиаже, Л. С. Выготского, В. В. Давыдова.

2. Диагностические:

- Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (субтесты «Классификация», «Аналогии», «Обобщение»), адаптированный для начальной школы.

- Методика «Нахождение схем к задачам» (Н. Б. Истомина).

3. Формирующий эксперимент:

- Контрольная группа (КГ, 48 чел.): обучение по традиционной методике.

- Экспериментальная группа (ЭГ, 48 чел.): обучение с применением описанного выше комплекса проблемных ситуаций.

4. Математическая обработка: t-критерий Стьюдента.

Анализ результатов На начальном этапе (сентябрь) средние показатели логического мышления в КГ и ЭГ были практически идентичны (средний балл по тесту Амтхауэра: КГ – 12,4; ЭГ – 12,6; $p > 0,05$).

Итоговый срез (май) показал следующие изменения:

1. Уровень сформированности операции обобщения: в ЭГ количество учащихся, способных объединить разнородные объекты (например, дробь $1/2$, десятичную дробь 0.5 и проценты 50%) по признаку эквивалентности, выросло с 15% до 62%. В КГ рост составил лишь с 14% до 28% ($t = 5,12$; $p < 0,001$).

2. Способность к обоснованию: при решении задач с избыточными данными (пример № 2) 71% учащихся ЭГ вербально доказали, почему время отдыха и количество яблок не влияют на результат. В КГ только 34% детей смогли исключить лишние данные, остальные пытались включить их в вычисления.

3. Перенос логических навыков: в итоговой комплексной работе была предложена нестандартная задача на взвешивание. С ней успешно справились 58% учеников ЭГ и лишь 19% учеников КГ. Дети из ЭГ использовали метод исключения вариантов, отработанный на задачах с ложными умозаключениями.

4. Побочный эффект: успеваемость по стандартным контрольным работам в ЭГ осталась на уровне КГ (средняя оценка 4,5 и 4,6 соответственно), что доказывает: развитие логики не тормозит формирование вычислительных навыков.

Выводы:

1. Проблемное обучение является наиболее целесообразным методом развития логического мышления, так как оно моделирует естественную познавательную деятельность ребенка.

2. Ключевым инструментом выступает не сама задача, а организация дискуссии вокруг нее. Умение учителя задавать вопросы, вскрывающие логические ошибки (как в примере с порядком действий), переводит мышление из интуитивного плана в осознанный.

3. Использование графических моделей (схем, чертежей) в качестве обязательного этапа до записи цифр предотвращает типичные логические ошибки, связанные с неверным выбором действия.

4. Внедрение логико-ориентированных методик требует изменения структуры урока: сокращения времени на фронтальный опрос в пользу времени на выдвижение и проверку гипотез в малых группах.

SPILNIK Alexander Sergeevich

Teacher, MBOU "Center of Education No. 6 "Perspektiva", Russia, Belgorod

SPILNIK Natalia Nikolaevna

Teacher, MBOU "Center of Education No. 6 "Perspektiva", Russia, Belgorod

DEVELOPMENT OF LOGICAL THINKING OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN BY MEANS OF PROBLEM-BASED LEARNING IN MATHEMATICS LESSONS

Abstract. *The article discusses the pedagogical possibilities of problem-based learning for the purposeful development of logical operations (analysis, synthesis, comparison, generalization) in 3rd grade students. The results of a one-year pedagogical experiment are presented, proving the effectiveness of the transition from reproductive assimilation (the process of perceiving and memorizing information without its critical comprehension or independent search – according to the principle of "do as shown") algorithms to the independent construction of mathematical patterns using the example of specific logical and mathematical problems.*

Keywords: *logical thinking, primary school age, problem-based learning, mathematical discussion, logical and mathematical problems, symbolic modeling.*

СУДАВЦОВА Марина Никитична

учитель-дефектолог, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

ГЛАДКО Светлана Александровна

воспитатель, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

БУТЕНКО Инна Алексеевна

учитель-логопед, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

ДЯТЛОВА Галина Алексеевна

музыкальный руководитель, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЫ В РЕСУРСНОЙ ГРУППЕ ДЕТСКОГО САДА ДЛЯ КОРРЕКЦИИ СЕНСОРНЫХ НАРУШЕНИЙ У ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Аннотация. Статья посвящена вопросам применения метода сенсорной интеграции в работе с детьми дошкольного возраста, имеющими расстройства аутистического спектра (РАС), в условиях дошкольной образовательной организации.

Актуальность темы обусловлена спецификой восприятия и переработки сенсорной информации у детей с РАС, которая нередко приводит к поведенческим и адаптационным сложностям. Сенсорная интеграция рассматривается как эффективный коррекционный метод, направленный на упорядочивание ощущений, поступающих от органов чувств, и оптимизацию взаимодействия ребёнка с окружающей средой.

В материале раскрываются: особенности сенсорного восприятия у детей с РАС (тактильного, вестибулярного, проприоцептивного и др.); типичные проявления сенсорных дисфункций; принципы организации сенсорно-интегративной терапии в ДООУ; примеры упражнений и игровых техник для развития сенсорных систем.

Особое внимание уделяется созданию комфортной сенсорной среды, исключению непереносимых раздражителей и обеспечению позитивных сенсорных впечатлений у ребёнка.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра (РАС), сенсорная интеграция, сенсорные дисфункции, коррекционная работа, сенсорная среда, спектр, социализация, навыки.

Расстройства аутистического спектра (далее – РАС) – это спектр психологических характеристик, описывающих широкий круг аномального поведения и затруднений в социальном взаимодействии и коммуникациях, а также жёстко ограниченных интересов и часто повторяющихся поведенческих актов.

Ежегодно по всему миру увеличивается количество людей, которые страдают этими расстройствами. Увеличение количества детей с РАС требует создания специальных условий в образовательных учреждениях для обучения и развития детей данной категории.

Одним из характерных нарушений развития у детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) являются сенсорные дисфункции.

Для коррекции данных нарушений необходимо применить специальные методы и приёмы, чтобы помочь детям понять и принять мир, который их окружает.

Один из методов, который направлен на коррекцию нарушений обработки сенсорной информации – это метод «Сенсорной интеграции». Он помогает мозгу эффективнее воспринимать, сортировать и объединять сигналы от органов чувств (тактильные, вестибулярные, проприоцептивные, слуховые, зрительные и др.), чтобы ребёнок мог адекватно реагировать на окружающую среду [5, с. 3].

Теорию сенсорной интеграции разработала Энн Джин Айрес (американский эрготерапевт, психолог и педагог, доктор философии) в 1960-

х годах в США. Айрес изучала детей с двигательными стереотипиями и ранним детским аутизмом (например, ломание игрушек, грызение рук и ног) и выяснила, что это связано с нарушением процесса обработки информации. Её теория основана на системном подходе к функционированию мозга и помогает понять связь процессов обработки сенсорной информации с поведением и обучением ребёнка.

Метод сенсорной интеграции, разработанный опирается на ряд ключевых принципов:

- Индивидуализация. Программа строится на основе диагностики сенсорного профиля ребёнка: учитываются его гипер- и гипочувствительность, предпочтения, страхи и зоны комфорта.
- Следование за ребёнком. Специалист не навязывает активности, а создаёт условия, в которых ребёнок сам выбирает занятие – это повышает мотивацию и вовлечённость.
- Опора на сильные стороны. Работа начинается с тех сенсорных систем, которые функционируют лучше, чтобы создать «базу» для коррекции проблемных зон.
- Постепенность и дозированность. Стимуляция усиливается постепенно: от комфортных ощущений к более сложным, чтобы избежать перегрузки.
- Комплексность. Задействуются сразу несколько сенсорных систем (тактильная, вестибулярная, проприоцептивная и др.), так как они взаимосвязаны.
- Безопасность. Пространство и оборудование должны исключать риск травм. Используются мягкие маты, страховки, подвесные конструкции с надёжным креплением.
- Системность и регулярность. Занятия проводятся 2-3 (иногда 3-5) раза в неделю курсом от 6 месяцев до нескольких лет – это необходимо для закрепления новых нейронных связей.
- Адаптивность. Программа корректируется по мере прогресса: задачи усложняются, вводятся новые виды стимуляции [3, с. 12].

Коррекция сенсорной интеграции в условиях ДОУ требует формирования мультисенсорной образовательной среды, оснащённой специализированными элементами для целенаправленной стимуляции и гармонизации восприятия внешних сигналов.

Пространство ресурсной группы для детей с расстройством аутистического спектра условно делится на функциональные зоны:

- зона для индивидуальных занятий;

- зона для групповых занятий;
- зона игр;
- зона отдыха и сенсорной разгрузки;
- обеденная зона.

Проблема сенсорной интеграции у детей с РАС актуализируется тем, что нарушение сенсорного восприятия окружающего мира является одной из главных особенностей развития таких детей. Неумение уловить ощущения из окружающей среды не позволяет им их интегрировать, чтобы создать чёткий «образ». Весь этот процесс занимает много времени, но даже если этот процесс идёт, «образ» всё равно может получиться неточным. Все это сопровождается нарушением ориентировки в пространстве, искажением целостной картины реального предметного мира, а также изолированным вычленением отдельных ощущений собственного тела и звуков, красок или форм окружающих вещей [2, с.16].

Две основные причины дисфункции сенсорной интеграции:

- первая – это переизбыток чувственной информации, в результате которого появляется повышенная чувствительность к сенсорным стимулам, проявляющаяся как непереносимость ярких цветов, бытовых шумов, неприятие зрительного, тактильного контактов, боязнь запахов, высоты, осторожность в движениях и т. д.;
- вторая – это дефицит чувственной информации, активных положительных контактов с окружающей действительностью, обуславливающие снижение чувствительности к сенсорным раздражителям. У ребёнка наблюдается особая захваченность отдельными стимулирующими впечатлениями, связанными с рассматриванием, соприкосновением, изменением положения тела в пространстве, ощущением своих мышечных связей и суставов. Это могут быть однообразные манипуляции с предметами, взмахи рук, застывания в определенных странных позах, избирательное напряжение отдельных мышц и суставов, бег по кругу, прыжки, кружение, раскачивание и другие действия с целью воспроизведения одного и того же приятного впечатления [1, с. 64].

Таким образом, дисфункция сенсорной интеграции проявляется через ограничения поведенческого спектра: гиперфункция – в виде сенсорных защит, гиподисфункция – в виде сенсорной аутоstimуляции [13, с. 7].

У детей с РАС проявляются следующие дисфункции сенсорной интеграции:

вестибулярная система (баланс), проприоцептивная система (ощущения собственного тела), обонятельная система (запах), зрительная система (зрение), аудио система (слух), тактильная система (прикосновение) [3, с. 12; 5, с. 3].

Для того, чтобы помочь детям справиться с дисфункциями сенсорной интеграции, в группе необходимо создать условия и приобрести специальное оборудование [7, с. 81].

У детей могут наблюдаться нарушение вестибулярной системы движения тела: импульсивные, не осторожные вращения, бег без определенной направленности, крик. Для того, чтобы стабилизировать поведение воспитанников, используется утяжеляющее одеяло [4, с. 54].

Утяжеляющее одеяло оказывает успокаивающее и расслабляющее действие на нервную систему. Эффект достигается за счёт сильного, но мягкого и равномерного давления на тело. Это называют методикой глубокого сенсорного давления. Для утяжеления в качестве наполнителей используются: лузга гречихи, стеклянные шарики, полипропиленовые гранулы, гималайская соль. Вес данного одеяла около 3–3,5 кг. С помощью такого одеяла у детей наступает спокойствие [11, с. 12].

Так же для стабилизации вестибулярной системы используется Яйцо Сова. Это мягкий шарообразный мешок, в который можно залезть целиком и почувствовать себя в безопасности как в тёплом домике. Оно развивает одновременно три важные для ребёнка системы: вестибулярную, которая отвечает за поддержание равновесия, тактильную, она управляет кожной чувствительностью и проприоцептивную, которая заключается в ощущении положения конечностей и ориентации собственного тела в пространстве. Подушки – балансиры, гимнастические мячи так же помогают в стабилизации вестибулярной системы. При использовании данного оборудования у детей улучшается координация движений, чувство равновесия, отмечаются изменения в поведении и у ребёнка снижается частота поведенческих реакций при случаях, если данное нарушение способствовало этим реакциям [15, с. 8].

Для упражнений на крупную моторику используется батут. Упражнения на батуте представляют собой отличную сенсорную стимуляцию, которая может оказаться очень полезной для снятия сенсорной перегрузки и тревоги. Так же гимнастический мяч способствует

развитию проприоцептивных и вестибулярных ощущений [9, с. 18].

Дисфункция аудио системы, когда ребёнок часто закрывает уши при окружающих шумах. Для стабилизации данной проблемы используются шумопоглощающие наушники.

Так как у детей с РАС имеет место ограниченные вкусовые предпочтения для коррекции пищевого поведения необходимо использовать следующие предметы: кулоны, трубочки для жевания, лизуны, зубные щетки, бальзамы для губ, жидкая карамель.

В работе с коррекцией высокой сенсорной чувствительности используются: «Мягкие мочалки», «Сенсорные дорожки», «Водяной бассейн», «Мягкие кисточки» [14, с. 76].

Для стабилизации низкой сенсорной чувствительностью необходимо использовать «Утяжелители для рук», «Массажные коврики» «Игольчатые мячики» «Жёсткие и мягкие мочалки» «Сенсорные дорожки».

Сенсорный Носок для тела помогает в развитии моторных навыков, улучшает внимание и концентрацию, а также развитию пространственного восприятия, даёт новые сенсорные ощущения, помогает прочувствовать своё тело, испытать новые эмоции. Внутри мешка с натянутой тканью дети успокаиваются, расслабляются. Во время игры ребёнок чувствует необычные ощущения, это расширяет его восприятие окружающего мира [12, с. 23].

Игры на развитие крупной моторики с предметами необходимо использовать для развития моторной сферы. И конечно игры на развитие мелкой моторики с применением: шнуровки, прищепок, массажных мячей, Су – Джок шарика, игры с крупой, песком и фасолью [10, с. 19].

При возникновении нежелательного поведения дети падают на пол, бьются головой и для недопущения травматизма в группе должны быть мягкие модули и маты.

Игровая палатка, мягкие пуфы предназначены для уединения и расслабления. В течение дня дети испытывают множество стрессов от перегрузок, что часто приводит к проблемам с поведением. Игровая палатка, домик помогут ребёнку расслабиться и «спрятаться». Там он сможет полежать и отдохнуть в тишине. Кресла-мешки и мягкие пуфы также помогают ребёнку отдохнуть, уютно устроившись в удобной позе.

Аутизм связан с нарушениями в восприятии времени. Многие аутичные дети не умеют

ждать, не понимают, что значит «не сейчас» или «потом». Из-за этого окружающий мир кажется им хаотичным, и это усиливает их поведенческие проблемы. Визуальные таймеры, позволяющие представить время наглядно, незаменимы при обучении детей с аутизмом. Ребенок может понять, сколько он будет заниматься, сколько времени до конца занятия осталось. Это предотвращает протесты и другое проблемное поведение и позволяет ребенку вести себя спокойнее. Кроме того, таймеры позволяют педагогам вести точные наблюдения за поведением (например, сколько времени ребенок не кричал) и поощрять его за хорошее поведение [16, с. 139; 17, с. 28].

С применением необходимого оборудования у ребёнка улучшается способность контролировать свои движения, выстраивать их относительно окружения, приобретать жизненно важные навыки и социализироваться в обществе. Поддержание баланса и координации активизирует работу левого и правого полушария [6, с. 38].

Обобщая вышесказанное можно сказать, что поведение, характерное для детей с аутизмом, зачастую является непосредственной реакцией на его сенсорный опыт. Именно дисфункцией сенсорной интеграции объясняется «странное» поведение у детей с РАС: стереотипии, ритуалы, самостимуляция, аутоагрессия, эхолалия. С помощью такой «защиты» ребенок старается снизить болезненно-травмирующие ощущения, почувствовать контроль над ситуацией и обрести безопасность [8, с. 36].

Грамотно оборудованная предметно-пространственная среда в ресурсной группе позволяет улучшить коррекцию сенсорных дисфункций у детей с расстройством аутистического спектра, повысить положительную динамику уровня социальной адаптации. Организованное пространство поможет детям освоить сенсорные аспекты активности и справиться с трудностями приобретения необходимых для жизни навыков.

Литература

1. Айрес Э. Дж. Ребёнок и сенсорная интеграция: понимание скрытых процессов развития / Э. Джин Айрес; пер. с англ. – Москва: Теревинф, 2012. – 272 с.
2. Андриевская О.А. Сенсорная интеграция как психокоррекционный метод в работе с детьми раннего и дошкольного возраста, имеющими психологические, поведенческие и речевые нарушения / О.А. Андриевская // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: «Психология. Педагогика». – 2015. – Т. 19, № 4 (73). – С. 28-35.
3. Банди А., Лейн Ш., Мюррей Э. Сенсорная интеграция. Теория и практика – 2 е изд. – Москва: Теревинф, 2024. – 768 с.
4. Войлокова Е.Ф. Сенсорное воспитание дошкольников с интеллектуальной недостаточностью: методическое пособие / Е.Ф. Войлокова. – Москва: Каро, 2005. – 304 с.
5. Денисова А.С., Савельева Ю.М. Сенсорная интеграция метод терапии в реабилитации детей с тяжёлыми множественными нарушениями в развитии // E-Scio. – 2022. – № 1 (64). – С. 1-8.
6. Дудорова С.Ю. Сенсомоторная интеграция в работе с детьми с ДЦПс использованием метода «Совопрактика» // Universum: психология и образование. – 2022. – № 3 (93). – С. 43-47.
7. Кулькова Н.Л. Сенсорная интеграция без сенсорных комнат: доступный комплекс игр и упражнений. – М.: Феникс, 2025. С. 102.
8. Лынская М.И. Логосенсорная интеграция: методические рекомендации для педагогов и родителей / М.И. Лынская. – Санкт-Петербург: Детство-Пресс, 2020. – 96 с.
9. Мальцева П.Ю., Розе С.А., Отрошко Г.В. Игровые приемы сенсорного обогащения дошкольников: методическое пособие / П.Ю. Мальцева, С.А. Розе, Г.В. Отрошко. – Электрон. текстовые дан. (2,56 Mb). – Ярославль: ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2023.
10. Сумнительная С.И. Домашняя школа Монтессори: сенсорное развитие, 2–4 года / С.И. Сумнительная, К.Е. Сумнительный. – Москва: Карапуз-дидактика, 2006. – 80 с.
11. Танцюра С.Ю., Сапожникова О.Б., Аваков А.Р. Сенсорная интеграция детей с ОВЗ – Москва: ТЦ СФЕРА, 2024.
12. Худаярова Д.М.К. Сенсорная интеграция как ключевой компонент грамотности: исследование сенсорной обработки у детей с трудностями в обучении // Central Asian Journal of Education and Innovation. – 2025.
13. Чулкова Р.Н. Дисфункция сенсорной интеграции у детей с расстройствами аутистического спектра / Р.Н. Чулкова // Современные исследования в дефектологии: сб. науч. ст. – 2020. – № 4. – С. 45-52.
14. Шапкова Л.В. Коррекционные подвижные игры и упражнения для детей с

нарушениями в развитии / Л.В. Шапкова; под общ. ред. Л.В. Шапковой. – Москва: Советский спорт, 2002. – 212 с.

15. Янушко Е.А. Развитие тактильно-двигательного восприятия у детей с аутизмом: практическое пособие / Е.А. Янушко. – Москва: Владос, 2019. – 64 с.

16. Baranek G.T. Sensory processing in autism / G.T. Baranek // Current Opinion in Neurology. – 2008. – Vol. 21, No. 2. – P. 137-144.

17. Miller L.J. Sensory Integration Theory and Practice / L.J. Miller, R.A. Anzalone, S.J. Lane [et al.]. – 3rd ed. – Philadelphia: F.A. Davis Company, 2021.

SUDAVTSOVA Marina Nikitichna

Teacher-Defectologist, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

GLADKO Svetlana Aleksandrovna

Educator, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

BUTENKO Inna Alekseevna

Speech Therapist Teacher, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

DYATLOVA Galina Alekseevna

Music Director, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

**ORGANIZATION OF A SUBJECT-SPATIAL DEVELOPMENT ENVIRONMENT
IN THE KINDERGARTEN RESOURCE GROUP FOR THE CORRECTION
OF SENSORY IMPAIRMENTS IN CHILDREN
WITH AUTISM SPECTRUM DISORDER**

Abstract. *The article is devoted to the application of the sensory integration method in working with preschool children with autism spectrum disorders (ASD) in a preschool educational organization.*

The relevance of the topic is due to the specifics of perception and processing of sensory information in children with ASD, which often leads to behavioral and adaptive difficulties. Sensory integration is considered as an effective correctional method aimed at organizing sensations coming from the sensory organs and optimizing the child's interaction with the environment.

The material reveals: features of sensory perception in children with ASD (tactile, vestibular, proprioceptive, etc.); typical manifestations of sensory dysfunctions; principles of organizing sensory integrative therapy in preschool institutions; examples of exercises and game techniques for the development of sensory systems.

Special attention is paid to creating a comfortable sensory environment, eliminating unbearable stimuli and ensuring positive sensory impressions for the child.

Keywords: *autism spectrum disorders (ASD), sensory integration, sensory dysfunctions, correctional work, sensory environment, spectrum, socialization, skills.*

ЭСМАНТОВА Ольга Александровна

преподаватель, Авиационный транспортный колледж ГУГА
им. главного маршала авиации А. А. Новикова, Россия, г. Санкт-Петербург

САЧИН Сатхиш Кумар

аспирант, Московский физико-технический институт, Россия, г. Москва

АНИМАЦИОННЫЕ ДИАЛОГОВЫЕ РОЛИКИ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ АВИАЦИОННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье рассматривается применение учебной анимации в обучении авиационному английскому языку курсантов специальности «Управление движением воздушного транспорта». Описывается формат коротких анимационных роликов, построенных вокруг реального радиообмена на английском языке, где персонажи «пилот» и «диспетчер» ведут диалог в реальном времени, а визуальный ряд синхронизирован с репликами. Показано, что такой формат отличается от существующих ресурсов, в которых анимация преимущественно объясняет процедуру, а радиообмен остаётся фоном. Делается вывод о педагогической ценности диалоговых анимационных роликов и перспективности их систематического использования в авиационных ССУЗах и ВУЗах.

Ключевые слова: авиационный английский язык, учебная анимация, радиообмен, фразеология радиообмена, диалоговые ролики, мотивация, аудирование, словарный запас.

Современное образование предъявляет высокие требования к языковой подготовке будущих авиационных специалистов: знание стандартных фраз ICAO, скорость реакции, точность формулировок и устойчивость к стрессу становятся не менее важными, чем технические компетенции. В этом контексте особую роль играет авиационный английский язык, который обеспечивает безопасность и эффективность международного взаимодействия в гражданской авиации. Традиционные методы обучения (текстовые диалоги, аудио-записи, статичные схемы) не всегда позволяют сформировать у студентов устойчивые навыки аудирования и говорения в условиях, приближенных к реальным [1, с. 307-318; 2, с. 123-134; 4, с. 274-282].

Одним из перспективных направлений цифровизации учебного процесса является использование учебной анимации. Исследования показывают, что анимация выступает как мощное наглядное средство, способное моделировать процессы, визуализировать пространственные отношения и задавать сценарий учебных действий [1, с. 307-318; 2, с. 123-134; 4, с. 274-282]. В языковом обучении анимационные материалы способствуют лучшему усвоению лексики, развитию аудирования и повышению мотивации студентов, особенно когда

визуальный ряд синхронизирован с речевым потоком и поддерживает понимание [5, 6, 7].

В открытом доступе уже существует ряд качественных анимационных ресурсов по авиационному английскому языку. На платформе Skybrary Aero (раздел Skyclips) представлены клипы, в которых визуализируются действия пилотов и авиадиспетчеров, объясняются процедуры захода на посадку, руления, действия в сложных метеоусловиях и другие аспекты. Однако в этих видеороликах коммуникация подаётся через закадровый нарратив: голос за кадром рассказывает, что делают участники радиообмена и какие процедуры выполняются. На YouTube также можно встретить каналы, где к записи радиообмена добавляется скрипт и схема аэропорта, но при этом отсутствуют персонажи и динамическая визуализация самого диалога.

Таким образом, в существующей практике преобладает формат, в котором анимация служит прежде всего для объяснения процедуры или явления, а радиообмен остаётся фоном или иллюстрацией [1, с. 307-318; 2, с. 123-134; 4, с. 274-282]. Между тем исследования в области обучения иностранным языкам свидетельствуют о том, что анимация с сюжетом и персонажами, построенная вокруг диалога, повышает внимание и вовлечённость студентов,

облегчает восприятие речи на слух и создаёт условия для последующей отработки говорения [3, с. 162-167; 5; 6; 7].

В данной статье описывается опыт применения коротких анимационных роликов на основе реального (в том числе аварийного) радиообмена на английском языке. В отличие от существующих ресурсов, в этих роликах персонажи «пилот» и «диспетчер» сами ведут диалог в реальном времени, а визуальный ряд синхронизирован с репликами. Актуальность данного исследования обусловлена тремя факторами. Во-первых, потребностью в методах, которые повышают мотивацию студентов к работе с радиообменом и снижают барьер перед сложными аутентичными записями [3, с. 162-167; 5; 6]. Во-вторых, недостаточной представленностью в открытом доступе анимационных материалов, где радиообмен является центральным элементом сценария, а не иллюстрацией к процедуре [1, с. 307-318; 2, с. 123-134; 4, с. 274-282]. В-третьих, растущим интересом к использованию цифровых медиа в языковом образовании, что открывает новые возможности для создания доступных и тиражируемых дидактических роликов [5, 6, 7].

В современной педагогике анимация рассматривается как специфическое учебное средство, обладающее собственным дидактическим потенциалом. Под учебной анимацией понимается анимационное видео, специально спроектированное для решения образовательных задач: формирования представлений о процессах и явлениях, отработки действий по алгоритму, развития языковых и коммуникативных навыков [1, с. 307-318; 2, с. 123-134; 4, с. 274-282]. В отличие от развлекательной мультипликации, учебная анимация подчинена чёткой дидактической цели и структурирована в соответствии с логикой учебного материала [1, с. 307-318; 4, с. 274-282].

Важным аспектом является влияние анимации на когнитивную нагрузку обучающихся. Правильно спроектированный анимационный ролик снижает избыточную нагрузку за счёт синхронизации визуального и вербального каналов: изображение показывает, о чём идёт речь, а речь (или субтитры) фиксирует ключевые формулировки [1, с. 307-318; 2, с. 123-134]. При этом чрезмерная детализация, быстрый темп или несогласованность изображения и текста могут, напротив, перегрузить восприятие. Поэтому в методических рекомендациях подчёркивается важность оптимальной

продолжительности ролика, чёткой структуры и акцентирования на проблемной ситуации [1, с. 307-318; 2, с. 123-134; 4, с. 274-282].

В контексте обучения иностранным языкам анимация получает дополнительные преимущества. Исследования показывают, что использование анимационных фильмов и коротких мультфильмов способствует росту словарного запаса, улучшению аудирования и повышению мотивации студентов [5, 6, 7]. Экспериментальные данные свидетельствуют о статистически значимом улучшении рецептивного и продуктивного словаря у групп, обучавшихся с помощью анимационных материалов, по сравнению с контрольными группами. Студенты также положительно оценивают такой формат, отмечая его доступность и вовлекающий характер [5, 6].

С точки зрения создателя контента, контекст рассматриваемого аудиоклипа или диалога радиотелефонного обмена глубоко изучается с использованием подхода, аналогичного расшифровке сценария киносцены, с целью выявления невербальных деталей, таких как настроение диспетчеров и пилотов во время радиосвязи. С помощью этого подхода выбирается тема анимационного видео, которая описывает визуальное представление всего радиотелефонного обмена таким образом, что в него аккуратно вводится универсальный юмор, чтобы сделать анимационные видео визуально привлекательными, сохраняя при этом профессиональную корректность радиотелефонного обмена. Это позволяет аудитории визуально воспринимать содержание радиотелефонного обмена, что даёт ей возможность рассматривать радиотелефонный обмен не только как вербальный обмен, но и как очищенный от лишнего эмоциональный обмен между людьми-операторами системы, визуально отображающий их невербальные сигналы по отношению друг к другу.

Для создания анимационных видео, отвечающих этим требованиям, используется сочетание таких программных инструментов, как Animation Desk, Adobe Illustrator, Adobe Photoshop, Krita и Adobe Premiere Pro. Общее время производства каждого проекта варьировалось от 16 до 120 часов в зависимости от таких факторов, как глубина содержания и длительность анимационного видео. Во многих проектах выполнялась покадровая ручная отрисовка, после чего добавлялись соответствующие аудиоклипы, включавшие оригинальные

образцы радиотелефонного обмена или сценарии голосовой записи радиотелефонного обмена, соответствующие стандартам ИКАО. Тем не менее все визуальные элементы, такие как анимированные персонажи, воздушные суда, здания, системы кабины экипажа и т. д., создавались вручную с использованием Animation Desk, Adobe Photoshop и Krita без применения инструментов с поддержкой искусственного интеллекта.

Описываемый формат анимационных роликов используется в учебном процессе АТК ГУГА на протяжении нескольких лет при подготовке курсантов по специальности «Управление движением воздушного транспорта». Материалы применяются как на занятиях по авиационному английскому языку, так и в рамках модулей по фразеологии радиообмена на английском языке.

Первый заметный эффект связан с визуализацией лексических единиц и процедур, которые в аудиоформате могут оставаться непонятными. Например, слово «chocks» (противооткатные колодки) при прослушивании радиообмена без опоры на изображение не всегда однозначно интерпретируется студентами, особенно на начальных этапах обучения. В анимационном ролике процесс установки и уборки chocks показывается на стоянке воздушного судна, что позволяет связать новое слово с конкретным действием и объектом. Таким образом, анимация снижает неопределённость восприятия и помогает сформировать устойчивые лексические связи.

Второй эффект – повышение интереса и мотивации к работе с радиообменом. Короткие анимационные сцены с персонажами «пилот» и «диспетчер» воспринимаются студентами не как «ещё одна запись на слух», а как мини-история, в которой есть сюжет и визуальная опора. В качестве иллюстрации можно привести пример с роликом «Разница между engine fire и fire engine»: после просмотра студенты сразу запомнили различие между этими понятиями, поскольку в анимации были наглядно показаны оба сценария. Визуальный образ закрепился в памяти и впоследствии использовался при воспроизведении соответствующих фраз.

Третий эффект – расширение словарного запаса и улучшение понимания радиообмена на слух. Регулярная работа с анимационными диалогами позволяет студентам многократно слышать стандартные фразы в контексте,

видеть, к каким действиям они относятся, и затем самостоятельно их воспроизводить в ролевых играх и заданиях на дубляж. Исследования в области обучения иностранным языкам подтверждают, что анимационные материалы способствуют росту как рецептивного, так и продуктивного словаря, а также повышают уверенность в говорении. В нашем случае это проявляется в том, что курсанты охотнее вступают в диалог, реже переключаются на родной язык и быстрее ориентируются в нестандартных ситуациях.

Четвёртый эффект – изменение отношения студентов к материалам для аудирования. Анимация, которая внешне может восприниматься как «мультик» и развлечение, в данном формате становится полноценным обучающим инструментом. Студенты начинают ассоциировать просмотр роликов не с пассивным потреблением контента, а с учебной деятельностью: анализом лексики, отработкой произношения, моделированием собственных диалогов. Это способствует формированию более осознанного подхода к самостоятельной работе с аудио- и видеоматериалами.

Таким образом, опыт применения показывает, что анимационные ролики на основе радиообмена способствуют не только расширению словарного запаса и улучшению навыков аудирования, но и повышению мотивации, изменению отношения к материалам для слушания и более глубокому профессиональному пониманию процедур. Эти результаты согласуются с данными международных исследований об эффективности анимации в языковом обучении и подтверждают целесообразность её систематического использования.

Педагогическая ценность описанного формата заключается не в технической сложности анимации, а в том, как она меняет статус радиообмена в учебном процессе: из фонового аудио он становится центральным объектом наблюдения, анализа и воспроизведения. Даже ограниченное количество таких роликов, при условии их систематического использования, способно повысить мотивацию студентов, улучшить понимание радиообмена на слух и расширить профессиональный словарный запас.

Несмотря на трудоёмкость создания таких роликов, даже ограниченная библиотека качественно сделанных диалоговых анимаций способна оказать заметное влияние на учебный процесс, если эти материалы систематически

интегрированы в занятия и самостоятельную работу.

Таким образом, использование анимационных роликов на основе радиообмена представляет собой перспективное направление в обучении авиационному английскому языку в ССУЗах и ВУЗах. Дальнейшие исследования могут быть направлены на систематическую оценку эффективности такого подхода (например, через сравнение результатов групп, обучающихся с разными типами материалов), а также на разработку методических рекомендаций по интеграции анимации в учебные планы различных профессиональных модулей.

Литература

1. Учебная анимация и пути ее применения в современном образовании. Педагогика и психология образования. 2021. № 3. С. 307-318. URL: <https://pedpsyjournal.mgpu.ru/wp-content/uploads/2021/03/307.pdf>.
2. Образовательные анимационные видеоролики в школьном образовании. Школьные технологии. 2022. № 2. С. 123-134. URL: <https://school.infojournal.ru/jour/article/view/609/606>.
3. Анимационные дидактические ролики как инструмент привлечения внимания студенческой аудитории. Наука и образование: новое время. 2019. № 3 (32). С. 162-167. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/publications/article/6a9c144f32807fdbab85d0d3/animacionnye-didakticheskie-roliki-kak-instrument-privlecheniya-vnimanija-studencheskoy-auditorii/view>.
4. К вопросу об использовании мультипликации и анимации в образовательном процессе. Вестник ГТТУ. 2023. № 1 (128). С. 274-282. URL: <https://vestnikggtu.ru/archives/2874>.
5. The Impact of Using Animated Movies in Learning English Vocabulary. SAGE Open. 2024. Vol. 14, Issue 2. DOI: 10.1177/21582440241258398. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/21582440241258398>.
6. Visual Language Learning: Exploring the Effects of Artificial Intelligence-Created Cartoons. ERIC. 2024. EJ1489593. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1489593.pdf>.
7. Hakim A.N., Jaya A.D. Development of Animated Videos as a Teaching Media in English Learning. ICeLS Conference Proceedings. 2023. URL: <https://icels.fkip.uniska-kediri.ac.id/index.php/icels/article/download/261/61>.
8. Skybrary Aero. Skyclips tutorials. URL: <https://skybrary.aero/tutorials/skyclips>.
9. Continue Climb [YouTube-канал]. URL: https://www.youtube.com/@continue_climb.

ESMANTOVA Olga Aleksandrovna

Teacher, Aviation Transport College of the GUGA
named after Chief Marshal of Aviation A. A. Novikov, Russia, St. Petersburg

SACHIN Sathish Kumar

Postgraduate Student, Moscow Institute of Physics and Technology, Russia, Moscow

ANIMATED DIALOGUE VIDEOS AS A MEANS OF TEACHING AVIATION ENGLISH

Abstract. *The article discusses the use of educational animation in teaching aviation English to cadets specializing in Air Traffic Control. The format of short animated videos is described, built around a real radio exchange in English, where the characters "pilot" and "dispatcher" conduct a dialogue in real time, and the visual sequence is synchronized with the lines. It is shown that this format differs from existing resources, in which animation mainly explains the procedure, while radio exchange remains the background. The conclusion is made about the pedagogical value of interactive animation videos and the prospects of their systematic use in aviation colleges and universities.*

Keywords: *aviation English, educational animation, radio exchange, phraseology of radio exchange, dialogue videos, motivation, listening, vocabulary.*

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

ШАГИАХМЕТОВА Карима Илгизовна

студентка, Казанский государственный медицинский университет, Россия, г. Казань

САДЫКОВ Наиль Наркисович

старший преподаватель кафедры теории и методики футбола и хоккея,
Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Россия, г. Казань

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ХОККЕЕМ НА МИНЕРАЛЬНУЮ ПЛОТНОСТЬ, ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И МИНЕРАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОСТНОЙ ТКАНИ: ОБРАТИМОСТЬ АДАПТАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПРИ ДЕТРЕНИРОВАННОСТИ

Аннотация. Хоккей относится к видам спорта с высокой ударной нагрузкой на опорно-двигательный аппарат. В данном обзоре рассматривается влияние систематических занятий хоккеем на минеральную плотность костной ткани (МПК), геометрические характеристики костей и содержание минеральных компонентов. Анализ литературы показывает, что хоккей способствует достоверному приросту МПК в нагружаемых участках скелета, прежде всего в области шейки бедра и верхних конечностей. Однако эффект является обратимым: прекращение тренировок приводит к быстрой потере накопленной костной массы. Обсуждаются механизмы остеогенного действия ударных нагрузок и практические последствия для спортсменов.

Ключевые слова: хоккей, костная ткань, минеральная плотность кости, ударные нагрузки, детренированность, остеогенез.

Введение

Состояние костной ткани определяется балансом между процессами костного ремоделирования – образованием новой кости и резорбцией старой. В детском и подростковом возрасте этот баланс смещён в сторону формирования, что позволяет накапливать пиковую костную массу, которая в значительной степени определяет устойчивость скелета к переломам на протяжении всей последующей жизни.

Физическая активность является одним из ключевых модифицируемых факторов, влияющих на пиковую костную массу. Однако не все виды спорта оказывают одинаковое воздействие на скелет. Наибольший остеогенный потенциал имеют так называемые ударные виды активности, характеризующиеся высокими по величине и скорости деформациями кости в необычных направлениях. Хоккей с шайбой,

сочетающий интенсивные ускорения и замедления, резкие смены направления движения и высокоамплитудные нагрузки на тазобедренный сустав, представляет собой яркий пример такой активности.

Цель настоящего обзора – систематизировать данные о влиянии хоккея на минеральную плотность костной ткани, её геометрические параметры и содержание минеральных компонентов, а также оценить устойчивость этих эффектов при прекращении тренировочной деятельности.

Актуальность затронутой проблемы связана с потребностью спортивной медицины и тренерского сообщества в объективных данных о долгосрочных последствиях ударных нагрузок на костную ткань хоккеистов. Анализ специальных источников демонстрирует, что, несмотря на доказанный остеогенный эффект систематических занятий хоккеем, вопросы

обратимости накопленной костной массы после прекращения тренировок остаются недостаточно изученными, а отсутствие научно обоснованных программ постспортивного сопровождения не позволяет сохранить достигнутый уровень минеральной плотности кости у бывших спортсменов. Новизна подхода, освещаемого в данной работе, состоит в попытке систематизировать разрозненные данные о влиянии хоккея на минеральную плотность, геометрические характеристики и минеральный состав костной ткани и оценить устойчивость выявленных адаптационных изменений при детренированности. Цель проведённого обзора заключалась в анализе и обобщении современных научных данных о состоянии костной ткани и её компонентов у хоккеистов на различных этапах спортивной карьеры.

Основная часть

Обзор научной литературы опирался на анализ рецензируемых публикаций в области спортивной медицины, остеологии и физиологии физических нагрузок. Источниками послужили исследования, выполненные в период с 1993 по 2019 год и посвящённые влиянию ударных видов физической активности на состояние костной ткани. Критериями включения выступали: лонгитюдный или сравнительный дизайн, объективная оценка минеральной плотности костной ткани (МПК) методом двухэнергетической рентгеновской абсорбциометрии, а также участие в исследовании спортсменов-хоккеистов мужского пола подросткового и юношеского возраста.

Диагностический арсенал составили апробированные методы оценки костной ткани. Минеральную плотность кости определяли посредством двухэнергетической рентгеновской абсорбциометрии, которая позволяет зафиксировать содержание минеральных компонентов в нагружаемых участках скелета. Геометрические характеристики костей оценивали через анализ моментов инерции и периостальных размеров. Показатели сопоставляли между хоккеистами и неактивными сверстниками, а также между спортсменами разных специализаций.

Суть представленного анализа состояла в систематизации данных о том, как систематические занятия хоккеем сказываются на костной ткани. Лонгитюдные наблюдения продемонстрировали, что юные хоккеисты, тренирующиеся в среднем 9,4 часа в неделю, имеют достоверно больший прирост МПК шейки бедра, чем контрольная группа (0,07 против 0,03 г/см²). Прирост объёмной МПК в этой зоне у

спортсменов составил 16 мг/см³, тогда как в контроле изменений не зафиксировано. Аналогичные результаты получены при наблюдении за спортсменами, не прерывавшими активные тренировки: за 70 месяцев они накопили существенно больше МПК в области шейки бедра, всего тазобедренного сустава и рук по сравнению с неактивными сверстниками.

Сравнение с другими видами спорта обнажило сайт-специфичность остеогенного эффекта. Хоккеисты имели более высокую МПК плечевой кости, бедра и проксимального отдела бедра, чем умеренно активные сверстники. При этом у них отмечена значительно более высокая сила хвата, что связывают с адаптацией костей предплечья к нагрузкам от работы с клюшкой. В то же время бадминтонисты опережали хоккеистов по МПК в ряде нагружаемых зон, что объясняется отличиями в паттерне ударных нагрузок: прыжки формируют деформации в нетипичных направлениях, а они выступают более сильным остеогенным стимулом.

Обработка данных о динамике костной массы при детренированности выявила выраженную отрицательную динамику. Хоккеисты, завершившие спортивную карьеру, утратили значительно больше МПК шейки бедра, чем те, кто продолжал тренироваться (0,10 против 0,02 г/см²). Потеря объёмной МПК в этой подгруппе достигла 38 мг/см³ против всего 4 мг/см³ у активных спортсменов. К моменту финального обследования бывшие хоккеисты демонстрировали промежуточные показатели МПК – ниже, чем действующие спортсмены, но несколько выше, чем никогда не тренировавшиеся.

Заключение

Итоги проделанной работы подтверждают исходное предположение о выраженном влиянии систематических занятий хоккеем на состояние костной ткани. Использование в тренировочном процессе нагрузок ударного характера, сочетающих резкие ускорения и торможения, смену направления движения и силовые единоборства, даёт возможность добиться достоверного прироста минеральной плотности кости в нагружаемых участках скелета. Наиболее выраженные изменения зафиксированы в области шейки бедра и верхних конечностей, что отражает сайт-специфичность остеогенной адаптации.

Одновременно результаты анализа свидетельствуют об обратимом характере достигнутых улучшений. Прекращение тренировочной

деятельности ведёт к быстрой утрате накопленной костной массы, а долгосрочные преимущества сохраняются лишь при условии поддержания физической активности. Данное обстоятельство имеет важное практическое значение для организации постспортивного сопровождения бывших хоккеистов и разработки стратегий сохранения костного здоровья.

Материалы работы ориентированы на применение в системе подготовки хоккейных резервов и в практике спортивной медицины.

Литература

1. Густавссон А. Быстрая потеря минеральной плотности кости шейки бедра после прекращения хоккейных тренировок: 6-летнее лонгитюдное исследование у мужчин / А. Густавссон, Т. Олссон, П. Нордстрём // Journal of Bone and Mineral Research. – 2003. – Т. 18, № 11. – С. 1964-1969.
2. Нордстрём А. Костная масса, приобретённая в результате физической активности, и её потеря при детренированности: лонгитюдное исследование молодых мужчин / А. Нордстрём, Т. Олссон, П. Нордстрём // Osteoporosis International. – 2005. – Т. 16, № 7. – С. 835-841.
3. Нордстрём П. Минеральная плотность кости в различных участках скелета у подростков, регулярно занимающихся хоккеем или бадминтоном / П. Нордстрём, У. Петтерссон, Р. Лорентзон // Journal of Bone and Mineral Research. – 1998. – Т. 13, № 7. – С. 1141-1148.
4. Петтерссон, У. Высокая костная масса и изменённые взаимосвязи между костной массой, силой мышц и конституцией тела у подростков с высоким уровнем физической активности / У. Петтерссон, П. Нордстрём, Р. Лорентзон // Bone. – 1999. – Т. 24, № 6. – С. 569-575.
5. Чилибек П.Д. Физические упражнения и минеральная плотность кости / П.Д. Чилибек, Д.Г. Сейл, К.Э. Веббер // Sports Medicine. – 1995. – Т. 19, № 2. – С. 103-122.
6. Гюнтер К. Физическая активность и костная масса: упражнения тщетны? / К. Гюнтер [и др.] // Bone and Mineral. – 1993. – Т. 21, № 2. – С. 89-112.
7. Влияние 12-месячного участия в остеогенных и неостеогенных видах спорта на развитие костной ткани у подростков-спортсменов мужского пола: исследование PRO-BONE // Journal of Science and Medicine in Sport. – 2017. – Т. 20, № 12. – С. 1091-1097.

SHAGIAKHMETOVA Karima Ilgizovna

Student, Kazan State Medical University, Russia, Kazan

SADYKOV Nail Narkisovich

Senior Lecturer at the Department of Theory and Methodology of Football and Hockey, Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Russia, Kazan

THE EFFECT OF SYSTEMATIC HOCKEY PRACTICE ON THE MINERAL DENSITY, GEOMETRIC CHARACTERISTICS AND MINERAL COMPOSITION OF BONE TISSUE: REVERSIBILITY OF ADAPTIVE CHANGES IN CASE OF DETRAINING

Abstract. Hockey refers to sports with a high impact load on the musculoskeletal system. This review examines the effect of systematic hockey practice on bone mineral density (BMD), bone geometric characteristics, and the content of mineral components. An analysis of the literature shows that hockey promotes a significant increase in BMD in the stressed areas of the skeleton, primarily in the femoral neck and upper extremities. However, the effect is reversible: stopping exercise leads to a rapid loss of accumulated bone mass. The mechanisms of the osteogenic effect of shock loads and the practical consequences for athletes are discussed.

Keywords: hockey, bone tissue, bone mineral density, impact loads, training, osteogenesis.

Актуальные исследования

Международный научный журнал
2026 • № 41 (327)

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.
Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»
Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135
Email: info@apni.ru
Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».
Номер подписан в печать 13.010.2026г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.
308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40